

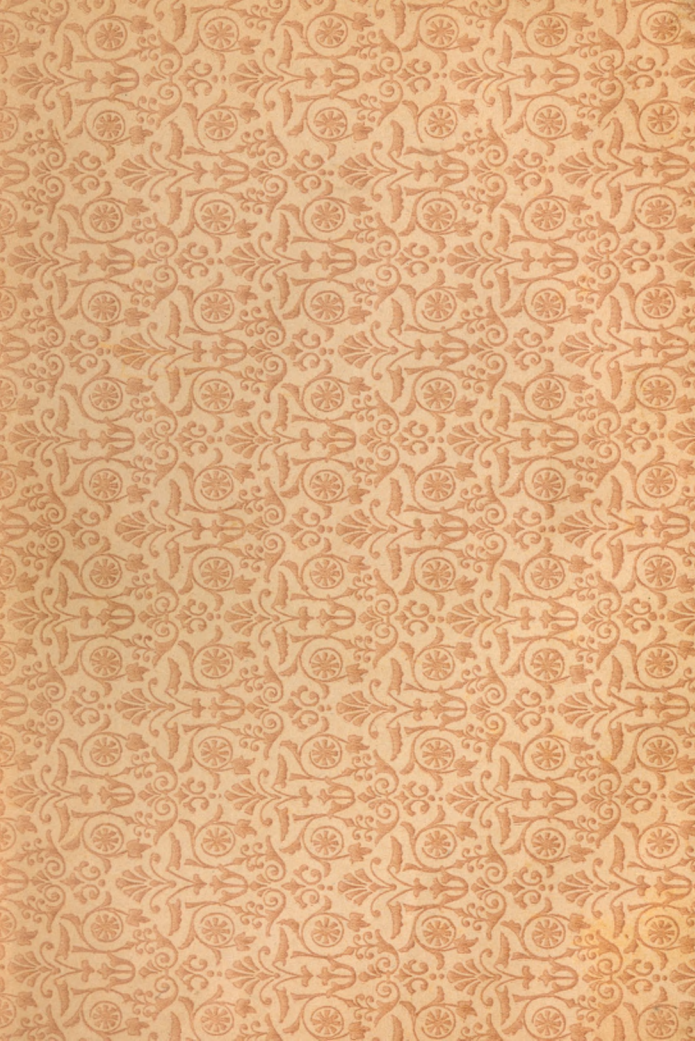

Стихотворенія

Ө. И. ТЮТЧЕВА

1.15.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Ю. И. ТЮТЧЕВА.

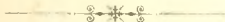

СТИХОТВОРЕНІЯ

Федора Ивановича

Т Ю Т Ч Е В А .

Издание „Русскаго Архива“.

МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

1899.

Дозволено цензурой. Москва. 30 Сентября 1898 г.

090904

Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева распредѣлены здѣсь по внутреннему содержанію ихъ, и только въ послѣднемъ отдѣлѣ сохраненъ отчасти порядокъ времени, такъ что отдѣлъ этотъ представляетъ собою поэтическую лѣтопись; въ остальныхъ отдѣлахъ не было возможности точно держаться хронологическаго порядка. (Въ скобкахъ означено время, когда стихи въ первый разъ появлялись въ печати.) Самое распредѣленіе по отдѣламъ не совсѣмъ строго выдержано, по причинѣ свойственной Тютчеву художественной зыбкости, не поддающейся полному опредѣленію. Въ описаніяхъ природы, въ раскрытіи тайнъ человѣческаго сердца, Тютчевъ — психологъ, тонкій знатокъ

глубокихъ, можно сказать, космическихъ ощущеній, вѣдомыхъ каждому, хотя иной разъ едва уловимыхъ. Чѣмъ чаще читаешь его стихи, тѣмъ болѣе ихъ цѣнишь и тѣмъ яснѣе раскрывается ихъ великій художественный смыслъ.

Легкій очеркъ жизни *Θ. И. Тютчева*, съ превосходною оцѣнкой его произведеній, написанъ зятемъ его, *И. С. Аксаковымъ*, и помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 года. Тамъ же и гравированный на стали портретъ вѣщаго поэта.

П. Б.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П р и р о д а.

	Стр.
Не то, что мните вы, природа.....	1
День и ночь. (На миръ таинственный духовъ).....	3
Смотри, какъ западь разгорѣлся.....	4
Сумерки. (Тѣни сизыя смѣсились).....	5
Песокъ сыпучій по колѣни.....	6
Святая ночь на небосклонѣ взошла.....	7
Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной.....	8
О чемъ ты воешь, вѣтръ почпой.....	9
Ночные голоса (Какъ сладко дремлетъ садъ).....	10
Безсонница. (Часовъ однообразный бой).....	11
Вечеръ мгlistый и ненастный.....	13
День вечерѣеть, почъ близка.....	14
Лѣтній вечеръ. (Ужъ солнца раскаленный жаръ).....	15
Не остывшая отъ зною.....	16
Графиня Держенфельдъ.....	17
Видѣніе. (Есть нѣкій часъ).....	19
Проблескъ. (Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ).....	20
Ты зналъ его въ кругу большого свѣга.....	22
Сижу задумчивъ и одинъ.....	23
Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ.....	25

— VIII —

Кончень пирь, умолкли хоры.....	26
Альпы. (Сквозь лазурный сумракъ ночи).....	27
Какъ птичка раннею зарей.....	23
23-го Юня 1849. (Тихой ночью).....	30
Не двинулась почная тѣнь.....	31
Ночное небо такъ угрюмо.....	32
Востокъ бѣлѣлъ... Ладыя катилась.....	33
Сей день, я помню, для меня.....	34
Восходъ солнца. (Молчить сомнительно Востокъ).....	35
Утро въ горахъ. (Лазурь небесная смѣется).....	36
Глядѣлъ я, стоя надъ Невой.....	37
Давно-ль, давно-ль, о Югъ блаженный.....	39
Вновь твои я вижу очи.....	41
И такъ, опять увидѣлся я съ вами.....	43
Графинѣ Растопчиной.....	44
Полдень. (Лѣниво дышитъ полдень мгlistый).....	46
Женева. (Утихла буря, легче дышать).....	47
Снѣжныя горы. (Уже полдневная пора).....	48
Въ душномъ воздухѣ молчанье.....	49
Конь морской. (О рьяный конь, о конь морской).....	51
Князю П. А. Вяземскому.....	52
Гроза прошла. Еще курась, лежалъ.....	53
Какъ неожиданно и ярко.....	54
Весеннее успокоеніе. (О, не кладите меня).....	55
V Какое дикое ущелье!.....	56
Лебедь. (Пускай орелъ за облаками).....	57
Безуміе. (Гамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой).....	58
Mal'aria. (Люблю сей Божій гнѣвъ!).....	59

Надъ виноградными холмами.....	60
И гробъ опущенъ ужъ въ могилу	61
Душа хотѣла-бъ быть звѣздой.....	62
Сіяетъ солнце, воды блещутъ.....	63
Пошли Господь свою отраду	64
Какъ ни дышетъ полдень знойный.....	66
Фонтанъ. (Смотри, какъ облакомъ живымъ).....	67
Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ.....	68
Весеннія воды. (Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ).....	69
Весна. (Зима не даромъ злится).....	70
Первый листъ. (Листъ зеленѣетъ молодой)	71
Весна. (Какъ ни гнететъ рука судьбины).....	72
Весенняя гроза. (Люблю грозу въ началѣ Мая).....	74
Когда, что звали мы своимъ	75
И въ Божьемъ мѣрѣ тожъ бываетъ.....	77
Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья.....	78
Еще шумѣлъ веселый день.....	79
Смотри, какъ роща зеленѣетъ.....	81
Въ небѣ таютъ облака.....	82
Что ты клонишь надъ водами.....	83
Въ часы, когда бываетъ.....	84
Какое лѣто, что за лѣто!.....	86
Тихо въ озерѣ струится	87
Гроза дорогой. (Неохотно и несмѣло).....	88
Какъ веселья грохотъ лѣтнихъ бурь.....	90
Когда въ кругу убійственныхъ заботъ.....	91
Листья. (Пусть сосны и ели).....	92
Есть въ осени первоначальной.....	94

Небо блѣдно-голубое.....	95
Сентябрь холодный бушевалъ.....	97
Сонъ на морѣ. (И море и буря качали нашъ чолвъ)..	98
Осенній вечеръ.....	100
На Певѣ. (И опять звѣзда ныряетъ).....	101
Подъ дыханьемъ непогоды.....	102
Обвѣявъ вѣщею дремотой.....	103
Дума за думой, волна за волной.....	104
Mobile comme l'onde. (Ты, волна моя морская).....	105
Чародѣйкою зимою.....	107
Венеція. (По зеркалу зыбкаго дола).....	108
Венеція. (Дождь Венеціи свободной).....	109
Осенней, поздней порою.....	111
Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ.....	112
Грустный видъ и грустный часъ!.....	113
Есть много мелкихъ безымянныхъ.....	114
Какъ хорошо ты, о море ночное.....	115
Плаваніе (На равнинѣ водъ лазурной).....	116
Не даромъ милосерднымъ Богомъ.	118
И вѣвучестъ есть въ морскихъ волнахъ.....	119
Природа—сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй.....	120

Л ю б о в ь .

Предопредѣленіе.....	123
Чему молвлась ты съ любовью.....	124
Двумъ сестрамъ (Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ).....	125
О, не тревожь меня укорой справедливой!.....	126
Съ какою вѣгою, съ какою тоской влюбленной.....	127

Она спѣла на полу.....	128
Такъ здѣсь-то суждено намъ было.....	129
Не вѣрь, не вѣрь поэту.....	130
Живымъ сочувствіемъ привѣта.....	132
Близнецы. (Есть близнецы, для земнородныхъ).....	134
О, какъ убійственно мы любимъ.....	135
Я очи звалъ,—о, эти очи.....	138
Послѣдняя любовь.....	139
Я зналъ ее еще тогда.....	140
Весь день она лежала въ забытѣ.....	141
Играй, покуда вадъ тобою.....	142
Люблю глаза твои, мой другъ.....	144

Жизнь. Исторія. Политика.

Въ уютной кельѣ, темной и смиренной.....	147
О, вѣщая душа моя.....	149
Хоть я и свилъ гнѣздо въ долину.....	150
Не разсуждай, не хлопочи.....	151
Слезы. (Слезы людскія, о слезы людскія).....	152
Какъ падъ горячею золой.....	153
Душа моя, элизіумъ тѣней!.....	154
Silentium. (Молчи, скрывайся и тай).....	155
Поэзія. (Среди громовъ, среди огней).....	156
Изъ края въ край, изъ града въ градъ.....	157
При посылкѣ Новаго Завѣта.....	159
Я Лютеранъ люблю богослуженье.....	161
Итальянская вила.....	162
Дочери.....	164

На кончину брата.....	166
Съ горы скатившись, камень легъ въ долину.....	167
Андрею Николаевичу Муравьеву.....	168
И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ	170
Въ дорогѣ. (Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный)...	171
Цицеронъ. (Ораторъ Римскій говорилъ).....	172
Тамъ, гдѣ горы, убѣгая.....	173
Черезъ Ливанскія я проѣзжалъ поля.....	175
Колумбъ. (Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!).....	177
Наполеонъ.....	178
Декабристамъ (Васъ развратило самовластье)	184
На взятіе Варшавы	185
На смерть Гёте.....	187
На кончину Пушкина.	188
Къ Ганкѣ. (Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?).....	190
Приписка.....	192
Море и утесъ.....	193
Ужъ третій годъ бѣснуются языки.....	195
Разсвѣтъ.....	196
Тогда лишь въ полномъ торжествѣ.....	198
Нѣтъ, карликъ мой.....	199
На кончину Жуковского.....	201
Нашъ вѣкъ	203
Пророчество.....	204
Олеговъ щить.....	205
Теперь тебѣ не до стиховъ.....	206
На новый 1855 годъ.....	207
На пріѣздъ Австрійскаго эрцгерцога... ..	209

Увы, что нашего незнанья.....	210
Вотъ отъ моря и до моря.....	211
Надъ этой темною толпой.....	212
Эти бѣдныя селенья.....	213
Memento.....	214
Александрѣ Второму.....	215
Польскій мятежь.....	216
Князю А. А. Суворову.....	218
Князю Горчакову.....	220
На кончину графа Блудова.....	221
Ницца.....	222
Encyclica.....	223
Императрица Марія Александровна.....	224
Когда на то нѣтъ Божьяго согласья.....	225
На кончину Цесаревича Николая.....	226
На затѣи Москвичей.....	227
Н. С. Акинѣевой.....	228
Издателю газеты „Вѣсть“.....	231
Графиня А. Д. Блудовой.....	232
На кончину графа М. П. Муравьева.....	233
Умомъ Россіи не понять.....	233
На юбилей Н. М. Карамзина.....	234
Ты долго-ль будешь за туманомъ.....	236
Хотя бь она сошла съ лица земнаго.....	237
Графиня А. Д. Блудовой.....	238
Напрасный трудъ!.....	239
Славянамъ.....	240
Man muss die Slaven an die Wand drücken.....	244

Свершается заслуженная кара.....	246
По прочтеніи денешъ Императорскаго Кабинета.....	247
Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому.....	248
Императрица Евгенія на Суэцкомъ каналѣ.....	249
А. А. Фету.....	252
Я. П. Полонскому.....	253
Въ Петергофѣ князю П. А. Вяземскому.....	254
Два единства.....	255
Надъ Русской Вильной стародавней.....	256
Экспромить Вакару.....	257
На юбилей князя Вяземскаго.....	258
На камень жизни роковой.....	261
Арфа Скальда.....	263
Cashe-cashe.....	264
Еще земли печаленъ видѣ.....	266
Съ горы скатившись, камень легъ въ долину.....	267
О Ламаргинѣ.....	268
Пламя рдѣть, пламя ишеть.....	269
Такъ въ жизни есть мгновенья.....	270
Когда дряхлѣющія силы.....	271
По дорогѣ во Вщижѣ.....	272

О П Е Ч А Т К И.

Стр. 72. Въмѣсто *гнетъ* надо *гнететъ*.

Стр. 73. Въмѣсто *своихъ* надо *свои.ихъ*.

П Р И Р О Д А.

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листь и цвѣтъ на деревь,
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣеть плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою вѣшнихъ, чуждыхъ силъ?...

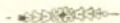
Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семь мѣрѣ, какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца, зная, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!

И, языками не земными
Волнуня рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза!

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожить
И голосъ матери самой!

(1836).

День и ночь.

На міръ таинственный духовъ—
Надъ этой бездной безъимянной—
Покровъ наброшенъ златотканый
Высокой волею боговъ.

День—сей блистательный покровъ,
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь;
Пришла—и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отъ чего намъ ночь страшна!

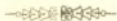
(1839).

Смотри, какъ западъ разгорѣлся
Вечернимъ заревомъ лучей,
Востокъ померкнувшій одѣлся
Холодной, сизой чешуей!

Въ враждѣ-ль они между собою?
Иль солнце не одно для нихъ
И, неподвижною средою
Дѣля, не соединяетъ ихъ?

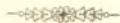
(1838).

С у м е р к и .

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движенье разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ....
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухъ ночномъ....
Часъ тоски невыразимой!
Все во мнѣ—и я во всемъ....

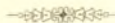
Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовоинный,
Все залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни черезъ край,
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай.

Песокъ сыпучій по колѣни.
Мы ѣдемъ; поздно, меркнетъ день;
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Черный и чаще боръ глубокий...
Какія грустныя мѣста!
Ночь хмурая, какъ звѣрь стокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

(1830).

Святая ночь на небосклонъ возшла,
И день отраднѣй, день любезнѣй
Какъ золотой коверъ она свила,—
Коверъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, вѣиный мѣръ ушелъ....
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стѣбитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной....
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаеть наслѣдье родовое.

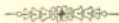

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами.
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьеть о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ.
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ чолнъ...
Приливъ растеть и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримостъ темныхъ волнъ.

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездною
Со всѣхъ сторонъ окружены.

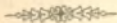
(1830).

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И ноешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсень сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимой!
Какъ жадно мѣръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться....
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!....

(1836).

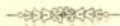
Ночные голоса.

Какъ сладко дремлетъ садъ темнозеленый,
Объятый нѣгой ночи голубой;
Сквозь яблони, цвѣтами убѣленной,
Какъ сладко свѣтитъ мѣсяць золотой!

Таинственно, какъ въ первый день созданья,
Въ бездонномъ небѣ звѣздный сонмъ горитъ;
Музыки бальной слышны восклицанья,
Сосѣднїй ключъ слышиѣе говорить.

На мїръ дневной спустилася завѣса;
Изнемогло движенье, трудъ уснулъ;
Надъ спящимъ градомъ, какъ въ вершинахъ лѣса,
Проснулся чудный, еженочный гуль...

Откуда онъ, сей гуль непостижимый?
Иль смертныхъ думъ, освобожденныхъ спомъ,
Мїръ безтѣлесный, слышный, но незримый,
Теперь роится въ хаосѣ ночномъ?...

Безсонница.

Часовъ однообразный бой,
Томительная ночи повѣсть!
Языкъ для всѣхъ равно чужой.
И внятнѣй каждому какъ совѣсть!

Кто безъ тоски внималъ изъ насъ,
Среди всемірнаго молчанья,
Глухія времени стenanья,
Пророчески-прощальный гласъ!

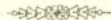
Намъ мнится міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ,
И мы, въ борьбѣ съ природой цѣлой,
Покинуты на насъ самихъ;

И наша жизнь стоитъ предъ нами,
Какъ призракъ, на краю земли—
И съ нашимъ вѣкомъ и друзьями
Блѣднѣетъ въ сумрачной дали.

И новое, младое племя
Межъ тѣмъ на солнцѣ разцвѣло,
А насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло!

Лишь изрѣдка, обрядъ печальный
Свершая въ полуночный часъ,—
Металла голосъ погребальный
Порой оплакиваетъ насъ!

(1830).

Вечеръ мгlistый и ненастный....

Чу! не жаворонка-ль гласъ?

Ты ли, утра гость прекрасный,

Въ этотъ поздній, мертвый часъ?

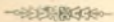
Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный,

Въ этотъ мертвый поздній часъ,

Какъ безумья смѣхъ ужасный,

Онъ всю душу мнѣ потрясъ!

(1836).

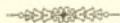
День вечерѣтъ, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь,
На небѣ гаснутъ облака,—
Ужъ поздно. Вечерѣтъ день.

Но мнѣ не страшенъ мракъ почной,
Не жаль скудѣющаго дня,—
Лишь ты, волшебный призракъ мой,
Лишь ты не покидай меня!....

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненья сердца утши,
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Какъ рѣшить?
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, можетъ-быть,—
Но съ страстной женскою душой.

1 Ноября 1851 г.

Лѣтній вечеръ.

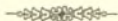
Ужъ солнца раскаленный жаръ,
Съ главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожаръ
Волна морская поглотила.

Ужъ звѣзды свѣтлыя взошли,
И тяготѣющій надъ нами
Небесный сводъ приподняли
Своими влажными главами.

Рѣка воздушная поливъ
Течетъ межъ небомъ и землею,
Грудь дышетъ легче и вольнѣй
Освобожденная отъ зною.

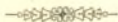
И сладкій трепеть, какъ струя,
По жиламъ пробѣжалъ природы,
Какъ бы горячихъ ногъ ея
Коснулись ключевыя воды!

(1829).

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало...

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею...

Графиня Лерхенфельдъ.

(Позднѣе баронесса Крюднеръ).

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край;
День вечерѣль; мы были двое,
Внизу, въ тѣни, шумѣль Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ, бѣлѣя,
Руина замка вдаль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груди вѣковой.
И солнце медило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла....
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;
День догоралъ; звучиѣ пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты, съ веселостью безпечной,
Счастливый провожала день....
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

(1836).

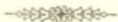

В и д ѣ н і е.

Есть нѣкій часъ въ ночи всемірнаго молчанья,
И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ.

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ;
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу.
Лишь Музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ.

(1829).

П р о б л е с к ъ .

Слыхаль ли въ сумракѣ глубокомъ
Воздушной арфы легкой звонъ,
Когда полночь ненарокомъ
Дремавшихъ струнъ встревожить сонъ?

То потрясающіе звуки,
То замирающіе вдругъ....
Какъ бы послѣдній ропотъ муки
Въ нихъ, отозвавшись, потухъ.

Дыханье каждое зефира
Взрываетъ скорбь въ ея струнахъ....
Ты скажешь: ангельская лира
Груститъ, въ пыли, на небесахъ.

О, какъ тогда съ земного круга
Душой къ безсмертному летимъ!
Минувшее, какъ призракъ друга,
Прижать къ груди своей хотимъ.

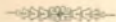
Какъ вѣримъ вѣрою живою,
Какъ сердцу радостно, свѣтло!
Какъ бы эфирною струею
По жиламъ небо протекло!

Но, ахъ, не намъ его судили!
Мы въ небѣ скоро устаемъ, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Едва усилимъ минутнымъ
Прервемъ на часъ волшебный сонъ.
И взоромъ трепетнымъ и смутнымъ,
Привставъ, окинемъ небосклонъ.

И отягченною главою,
Однимъ лучемъ ослѣплены,
Вновь упадаемъ не къ покою,
Но въ утомительные сны.

(1826).

Ты зналъ его въ кругу большого свѣта:
То своенравно весель, то угрюмъ,
Разсѣянъ, дикъ или полонъ тайныхъ думъ,
Таковъ поэтъ—и ты презрѣлъ поэта!

На мѣсяцъ взглянь: весь день, какъ облакъ тощій,
Онъ въ небесахъ едва не изнемогъ;
Настала почь,—и свѣтозарный богъ,
Сіяетъ онъ надъ усыпленной рощей!

Сижу задумчивъ и одинъ,
На потухащій каминъ
Сквозь слезъ гляжу,
Съ тоскою мыслю о быломъ
И словъ, въ уныніи моемъ,
Не нахожу.

Былое—было ли когда?
Что нынѣ — будетъ ли всегда?
Оно пройдетъ!
Пройдетъ оно, какъ все прошло,
И канетъ въ темное жерло
За годомъ годъ.

За годомъ годъ, за вѣкомъ вѣкъ....
Что жъ негодуетъ человѣкъ,
Сей злакъ земной?...
Онъ быстро, быстро вянетъ.... Такъ!
Но съ новымъ лѣтомъ новый злакъ,
И листъ иной.

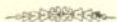
И снова будетъ все что есть,
И снова розы будутъ цвѣсть,
И терны тожъ....
Но ты мой бѣдный, блѣдный цвѣтъ,
Тебѣ ужъ возрожденья нѣтъ:
Не разцвѣтешь!

Ты сорванъ былъ моей рукой,
Съ какимъ блаженствомъ и тоской,
То знаетъ Богъ!...
Останься жъ на груди моей,
Пока любви не замеръ въ ней
Послѣднй вздохъ!

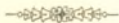
РИМЪ НОЧЬЮ.

Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ.
Взошла луна и овладѣла имъ,
И сиящій градъ, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой.
Какъ сладко дремлетъ Римъ въ ея лучахъ,
Какъ съ ней сроднился Рима вѣчный прахъ!
Какъ будто лунный мѣръ и градъ почившій —
Все тотъ же мѣръ, волшебный, но отжившій!...

Конченъ пиръ, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты въ кубкахъ вины,
На главахъ вѣнки измяты;—
Лишь курились ароматы
Въ опустѣвшей свѣтлой залѣ.
Кончивъ пиръ, мы поздно встали:
Звѣзды на небѣ сіяли,
Ночь достигла половины....

Какъ надъ безпокойнымъ градомъ,
Надъ дворцами, надъ домами,
Шумнымъ уличнымъ движеньемъ,
Съ тускло-рдянымъ освѣщеньемъ
И безумными толпами, —
Какъ надъ этимъ дольнымъ чадомъ,
Въ черномъ, выпрненемъ предѣлѣ,
Звѣзды чистыя горѣли,
Отвѣчая смертнымъ взглядамъ
Непорочными лучами!

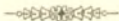

А л ь п ы .

Сквозь лазурный сумракъ ночи
Альпы снѣжныя глядятъ;
Помертвѣлыя ихъ очи
Льдистымъ ужасомъ разятъ.
Властью иѣкой обаянны,
До восшествія зари,
Дремлятъ грозны и туманны,
Словно падшіе цари!

Но Востокъ лишь заалѣетъ:
Чарамъ гибельнымъ конецъ.
Первый, въ небѣ, просвѣтлѣетъ
Брата старшаго вѣнецъ.
И съ главы большого брата
На меньшихъ бѣжитъ струя,
И блеститъ въ вѣндахъ изъ злата
Вся воскресшая семья....

1830 г.

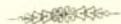

Какъ итчика раннею зарей
Міръ, пробудившись, встрепенулся....
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжестъ утренняя вѣть
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣеть
Вчерашній зной, вчерашній прахъ!

О, какъ пронзительны и дикы,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня!
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь, о гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?...

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ теней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

(1836).

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ
Какъ на небѣ звѣзды рдѣютъ!
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ....

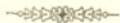
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Убѣленные луной!

23 Іюня 1849.

Не двинулась ночная тѣнь,
Высоко въ небѣ мѣсяцъ свѣтитъ,
Царить себѣ—и не замѣтитъ,
Что ужъ родился юный день,
Что хоть лѣниво и несмѣло
Лучъ возникаетъ за лучемъ—
А небо такъ еще всецѣло
Ночнымъ сіяетъ торжествомъ....
Но не пройдетъ двухъ-трехъ мгновений,
Ночь испарится надъ землей.—
И въ полномъ блескѣ проявленій
Вдругъ насъ охватитъ мѣръ дневной.

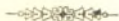
Дек., 8 ч. утра, 1859.

Ночное небо такъ угрюмо,
Заволокло со всѣхъ сторонъ:
То не угроза и не дума—
То вялый, безотраднѣй сонъ.
Однѣ зарницы огневья,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.

Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
И быстро выступитъ изъ мраку
Поля и дальнѣе лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ—на высотѣ....

Овстугъ, 18 Августа 1865 г.

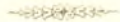

Востокъ бѣлѣлъ.... Ладья катилась;
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинутое небо,
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ.... Она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало;
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало.

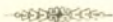
Востокъ вспылалъ.... Она склонилась,
Блестящая поникла въя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струилась каша огневья....

(1836).

Сей день, я помню, для меня
Былъ утромъ жизненнаго дня.
Стояла молча предо мною,
Вздымалась грудь ея волною,
Алѣли щеки какъ заря,
Все жарче рдѣя и горя....
И вдругъ, какъ солнце молодое,
Любви признанье золотое
Исторглось изъ груди ея,—
И новый міръ увидѣлъ я!

1830.

Восходъ солнца.

Молчить сомнительно Востокуъ.

Повсюду чуткое молчанье.

Что это—сонъ иль ожиданье.

И близокъ день или далеку?

Чуть-чуть обдѣветъ темя горь.

Еще въ туманѣ лѣсъ и доли.

Спать города и дремлютъ селы....

Но къ небу подымите взоръ.

Смотрите: полоса видна.

И словно скрытной страстью рдѣя.

Она все ярче, все живѣе—

Вся разгорается она!

Еще минута,—и во всей

Неизмѣримости эфирной

Раздастся благовѣсть всемирный

Побѣдныхъ солнечныхъ лучей....

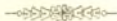
Москва, 25 Юля 1865 г.

Утро въ горахъ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вѣется
Долина свѣтлой полосой.
Лишь вышнихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

Зальцбургъ.
(1830).

Глядѣлъ я, стоя надъ Цевой,
Какъ Исаака великана,
Во мглѣ морознаго тумана,
Свѣтился куполь золотой.

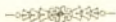
Всходили робко облака
На небо зимнее, почное;
Бѣлѣла въ мертвенномъ поковъ
Оледенѣлая рѣка.

Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣеть,
Теперь на солнцѣ пламенѣтъ
Роскошный Генуи заливъ....

О, Сѣверъ, Сѣверъ-чародѣй!
Иль я тобою околдованъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?

О, если бь мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя.
Меня унесь скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый Югъ.

12 Ноября 1844 г.

Давно-ль, давно-ль, о Югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ Эдемъ ты растворенный
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу!
Давно-ль, — хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ, —
Я тамъ заслушивался пѣнья
Великихъ средиземныхъ волнъ!

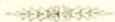
И пѣнь ихъ, какъ во время дню,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ родного лона
Киприда свѣтлая всплыла....
Онѣ все тѣже и понынѣ,
Все также блещутъ и звучать;
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я.... я съ вами распростился:
Я вновь на Сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.

Здѣсь воздухъ колетъ: снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ,
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ.

Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
Тамъ, тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ Югѣ,
Еще я вижу васъ вдали:
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазуриѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходить до души моей.

(1838).

Вновь твои я вижу очи, —
И одинъ твой южный взглядъ
Киммерійской грустной ночи
Вдругъ развѣялъ сонный хладъ....
Воскресаетъ предо мною
Край иной, — родимый край,
Словно прадедовъ виною
Для сыновъ погибнѣй рай.

Лавровъ стройныхъ колыханье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтнѣй зной.
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной былью вѣетъ
Изъ-подъ мраморныхъ аркадъ.

Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся Съверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной;
Снова жадными очами
Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста печальныя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерьющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О, бѣдный призракъ немощный и смутный
Забытаго, загадочнаго счастья!...

О, какъ теперь, безъ вѣры и участя,
Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меньшей, умершій въ пеленахъ!

Ахъ, нѣтъ! Не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ;
Не здѣсь разцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жить и чѣмъ я дорожилъ.

1846.

Графиня Растопчиной.

(въ отвѣтъ на ея письмо.)

Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни,
Какъ околдованный зимой,
Какимъ-то сномъ усопшей тѣни
Я спалъ зарытый, но живой!

И вотъ, я чую, надо мною,
Не на яву и не во снѣ,
Какъ-бы повѣяло весной,
Какъ-бы зашело о веснѣ....

Знакомый голосъ, голосъ чудный—
То лирный звукъ, то женскій вздохъ.....
Но я, лѣнивецъ безпробудный,
Я вдругъ откликнуться не могъ.

Я спалъ въ оковахъ тяжелой лѣни,
Подъ осемимѣсячной зимой,
Какъ дремлютъ праведныя тѣни
Во мглѣ Стигійской роковой.

Но этотъ сонъ полумогильный,
Какъ надо мной ни тяготѣлъ,
Онъ самъ же, чародѣйъ всемогильный,
Кѣ мнѣ на помощь подоспѣлъ.

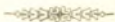
Пріязни давней выраженья
Ихъ для меня онъ уловилъ—
И въ музыкальныя видѣнья
Знакомый голосъ воплотилъ....

Вотъ вижу я, какъ-бы сквозь дымки,
Волшебный садъ, волшебный домъ—
И въ замкѣ феи-невидимки
Вдругъ очутились мы вдвоемъ.

Вдвоемъ! И пѣнь ея звучала,
И отъ завѣтнаго крыльца
Гнала и буйнаго пахала,
Гнала и пошлаго льстеца.

И страстно пѣсь ея звучала,
Плѣняя души и сердца,
Она Бетховена играла,
И... доиграла до конца.

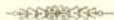
(1850).

П о л д е н ь .

Лѣниво дышетъ полдень мгlistый.
Лѣниво катится рѣка:
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ:
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

Ж е н е в а.

Утихла буря, легче дышать
Лазурный сонмъ Женевскихъ водъ,
И лодка вновь по нимъ плыветь.
И снова лебедь ихъ колышетъ.

Весь день, какъ лѣтомъ, солнце грѣтъ.
Деревья блещутъ пестротой,
И воздухъ ласковой волной
Ихъ ветхость пышную лелѣтъ.

А тамъ въ торжественномъ покоѣ,
Разоблаченная съ утра,
Сіяетъ Бѣлая Гора
Какъ откровенье неземное....

11 Октября 1863.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палить отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу, какъ зеркало стальное,
Сибьютъ озера струи,
И съ камней, блестящихъ на зноѣ,
Въ родную глубь сибнать ручьи.

И между тѣмъ какъ полусонный,
Нашъ дольний мѣръ, лишенный силъ,
Проникнуть нѣгой благовоной,
Во мгль полуденной почилъ.

Горѣ, какъ божества родныя,
Надъ усыпленною землей,
Играють выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

(1836)

Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.

Чу! За бѣлой, душею тучей
Прокатился глухо громъ;
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ....

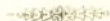
Жизни нѣвій преизбытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлитъ,
Какъ божественный наштокъ
Въ жилахъ мѣветъ и горитъ!

Дѣва, дѣва, что волнуешь
Дымку персей молодыхъ?
Что мутится, что тоскуешь
Влажный блескъ очей твоихъ?

Что, блѣднѣя, замираетъ
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?
Что такъ грудь твою смираетъ
И уста твои палитъ?

Сѣвозъ рѣшцы шелковыя
Проступили двѣ слезы....
Нль то капли дождевыя
Зачинающей грозы?....

(1836)

Конь морской.

О рьяный конь, о конь морской,
Съ блѣдно-зеленой гривой,
То смиренный, ласково-ручшой,
То бѣшено-игривый!
Ты буйнымъ вихремъ вскормленъ былъ
Въ широкомъ Божьемъ полѣ;
Тебя онъ прижать научилъ,
Играть, скакать по волѣ!

Люблю тебя, когда стремглавъ,
Въ своей надменной силѣ,
Густую гриву растрепавъ,
И весь въ пару и въ мылѣ,
Къ брегамъ направивъ бурный бѣгъ,
Съ веселымъ ржаньемъ мчишься,
Коньота кинешь въ звонкій брегъ
И въ брызги разлетишься!...

Князю П. А. Вяземскому.

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тѣсный кругъ друзей;
Сама великая природа
Вашъ торжествуетъ юбилей.

Смотрите, на какомъ просторѣ
Она устроила свой пиръ, —
Весь этотъ берегъ, это море,
Весь этотъ чудный лѣтній міръ.

Смотрите, какъ, облитый свѣтомъ,
Ступивъ на крайнюю ступень,
Съ своимъ прощается поэтомъ
Великолѣпный этотъ день....

Фонтаны брызжутъ тиховѣнно,
Прохладой сонной дышетъ садъ,
И такъ надъ вами юбилейно
Петровы липы здѣсь шумятъ!

Петергофъ, 12 Іюля 1867.

Успокоеніе.

Гроза прошла. Еще бурясь, лежалъ
Высокій дубъ, перунами сраженный,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени, грозою освѣженной;

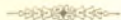
А ужъ давно звучиѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣнь по роцѣ раздалася,
И радуга концомъ дуги своей
Въ зеленяя вершины уперлася!...

Какъ неожиданно и ярко,
По влажной неба синевѣ,
Воздушная воздвиглась арка
Въ своемъ минутномъ торжествѣ.
Однѣй конецъ въ лѣса воззвизла,
Другимъ за облака ушла;
Она полнеба охватила
И въ высотѣ изнемогла!

О, въ этомъ радужномъ видѣннѣ
Какая нѣга для очей!
Оно дано намъ на мгновенье, —
Лови его, лови скорѣй!
Смотри: оно ужъ поблѣднѣло;
Еще минута, двѣ—и что жъ?
Ушло, какъ то уйдетъ всецѣло,
Чѣмъ ты и дышишь и живешь.

Рославль, 5 Августа 1865.

Весеннее успокоеніе.

О, не кладите меня
Въ землю сырую:
Скройте, заройте меня
Въ траву густую.
Пускай дыханье вѣтерга
Шевелитъ травною,
Свирѣль пость издалека,
Свѣтло и тихо облака
Плывутъ надо мною.

Какое дикое ущелье!

Ко мнѣ на встрѣчу ключъ бѣжитъ:
Онъ въ домъ спѣшитъ на новоселье,
Я лѣзу въ верхъ, гдѣ ель стоитъ.

Вотъ взобрался я на вершину,
Снизу здѣсь радостень и тихъ...
Ты къ людямъ, ключъ, спѣшитъ въ долину:
Попробуй—каково у нихъ!

Съ поляны коршунъ поднялся,
Высоко къ небу онъ взвился;
Все выше, далѣ вьется онъ
И вотъ ушелъ за небосклонъ.

Природа мать ему дала
Два мощныхъ, два живыхъ крыла;
А я, здѣсь, въ потѣ и пыли,
Я, царь земли, приросъ къ земли!...

Л е б е д ь.

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полеть
И неподвижными очами
Въ себя вшвааетъ солнца свѣтъ.

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О лебедь чистый, твоего!
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.

Она между двойною бездною
Лелѣетъ твой всезряцій сонъ,—
И полной славой тверди звѣздной
Ты отовсюду обружень.

(1839).

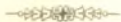
Безуміе.

Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой
Слился, какъ дымъ, небесный сводъ.
Тамъ въ беззаботности веселой
Безумье жалкое живетъ.

Подъ раскаленными лучами,
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищетъ въ облакахъ.

То воспринять вдругъ и, чуткимъ ухомъ
Прижавъ къ растреснувшей землѣ,
Чему-то внемлетъ жаднымъ слухомъ
Съ довольствомъ тайнымъ на челѣ.

И мнитъ, что слышитъ струй кинѣнье,
Что слышитъ тогъ подземныхъ водъ,
И колыбельное ихъ пѣнье,
И шумный изъ земли исходъ.

М а л' а г і а.

Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо
Во всемъ разлитое, таинственное зло —
Въ цвѣтахъ, въ источникѣ прозрачномъ какъ стекло,
И въ радужныхъ лучахъ, и въ самомъ небѣ Рима!
Все такъ высокая, безоблачная твердь,
Все также грудь твоя легко и сладко дышетъ,
Все тотъ же тенный вѣтръ верхи деревъ колышетъ,
Все тотъ же запахъ розъ... и это все—есть смерть.

Какъ вѣдать? Можетъ быть и есть въ природѣ звуки,
Благоуханія, цвѣта и голоса —

Предвѣстники для насъ послѣдняго часа
И усладители послѣдней нашей муки.
И ими-то судебъ посланникъ роковой,
Когда сыновъ земли изъ жизни вызываетъ,
Какъ тканью легкою свой образъ прикрываетъ,
Да утаитъ отъ нихъ приходъ ужасный свой.

1830.

Надъ виноградными холмами
Плывутъ золотыя облака;
Внизу зелеными волнами
Шумить померкшая рѣка —
Взоръ постепенно изъ долины,
Подъемаясь, входить къ высотамъ
И видить, на краю вершины,
Круглообразный, свѣтлый храмъ.

Тамъ въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда взлетая, звукъ нѣмѣетъ, —
Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.

Ротенбургъ.

(1887).

И гробъ опущенъ ужь въ могилу,
И все столнилось вокругъ.
Толкутся, дышать черезъ силу,
Спираеть грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ,
Ученый пастырь сановитый
Рѣчь погребальную гласитъ:

Вѣщаетъ брешность человѣчью,
Грѣхонаденье, кровь Христа;—
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята...

А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой...

(1836)

Душа хотѣла-бъ быть звѣздой;
Но не тогда, какъ съ неба полуночи
Син свѣтила, какъ живыя очи,
Глядятъ на сонный міръ земной;—

Но днемъ, когда, сокрытыя подъ дымомъ
Палящихъ солнечныхъ лучей,
Они какъ божества горятъ свѣтлѣй
Въ эфирѣ чистомъ и незримомъ.

(1836)

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ;
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы.
Избыткомъ жизни упоенъ.

Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй —
Одной улыбкѣ умиленья
Измученной души твоей....

(1851)

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредеть по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухъ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манить,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредеть по знойной мостовой.

Июль 1850

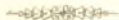

Какъ ни дышетъ полдень знойный
Въ растворенное окно,—
Въ этой хранилѣ спокойной,
Гдѣ все тихо и темно,

Гдѣ живыя благовоныя
Бродятъ въ сумрачной тѣни,
Въ сладкій сумракъ полусонья
Погрузись и отдохни.

Здѣсь фонтанъ неутомимый
День и ночь постъ въ углу
И крошитъ росой незримой
Очарованную мгу.

И въ мерцаньи полусвѣта,
Тайной страстью занята,
Здѣсь влюбленнаго поэта
Взвѣтъ легкая мечта.

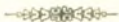

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣтъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной,—
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспалъ на землю осужденъ.

О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистоцимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремить, тебя мятеть?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

(1836).

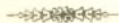

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина велѣдъ плыветь.

На солнцѣ-ль радужно блистаа,
Иль ночью, въ поздней темнотѣ,
Но все, неизбѣжимо тая,
Онѣ плывуть къ одной метѣ.

Все вмѣстѣ—малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,
Все безразличны, какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой!...

О, нашей мысли обольщенье,
Ты—человѣческое я!
Не таково-ль твое значенье,
Не такова-ль судьба твоя?

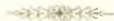
Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ. ---
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ.
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.

Онѣ гласятъ во все концы:
„Весна идетъ, весна идетъ.
„Мы молодой весны гонцы,
„Она насъ выслала впередъ!“

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ, Майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней!

(1836)

В е с н а.

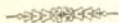
Зима не даромъ злится:
Прошла ея пора;
Весна въ окно стучится
И гонить со двора.

И все засуетилось,
Все гонить зиму вонъ,
И жаворонки въ небѣ
Ужъ подняли трезвонъ.

Зима еще хлопочетъ
И на весну ворчитъ,
Та ей въ глаза хохочетъ
И пуце лишь шумитъ!

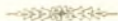
Взбѣсилась вѣдьма злая
И, снѣгу захвата,
Пустила, убѣгая,
Въ прекрасное дитя.

Веснѣ и горя мало:
Умылася въ снѣгу,
И лишь румянѣй стала
Наперекоръ врагу.

Первый листъ.

Листъ зеленѣетъ молодой.
Смотри, какъ листьемъ молодымъ
Стоять обвѣяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полу-прозрачною какъ дымъ.
Давно имъ грезилось весной,
Весной и лѣтомъ золотымъ,
И вотъ живыя эти грезы,
Подъ первымъ небомъ голубымъ,
Пробились вдругъ на свѣтъ дневной.
О, первыхъ листьевъ красота,
Омытыхъ въ солнечныхъ лучахъ,
Съ новорожденною ихъ тѣнью!
И слышно намъ по ихъ движенью,
Что въ этихъ тысячахъ и тьмахъ
Не встрѣтишь мертваго листа.

В е с н а.

Какъ ни гнетъ рука судьбины,
Какъ ни томить людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ;
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены,—
Что устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны!

Весна—она о васъ не знаетъ.
О васъ, о горѣ и о злѣ:
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ.
И ни морщины на челѣ....
Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ.
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаеть божествамъ.

Цвѣтами сыплеть надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна:
Была ль другая передъ нею—
О томъ не вѣдаетъ она.

По небу много облакъ бродить,

Но эти облака ея:

Она ни слѣду не находитъ

Отцвѣтшихъ вѣсенъ бытія.

Не о быломъ вздыхаютъ розы,

И соловей въ ночи поетъ;

Благоухающія слёзы

Не о быломъ Аврора льетъ: —

И страхъ кончины неизбежной

Не свѣтъ съ древа ни листа:

Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный.

Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,

Приди жъ, отвергни чувствъ обманъ

И ринься, бодрый, самовластный,

Въ сей животворный океанъ!

Приди—струей его эфирной

Омой страдальческую грудь —

И жизни божески-всемірной

Хотя на мигъ причастенъ будь!

(1839).

Весенняя гроза.

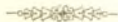
Люблю грозу въ началѣ Мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочеть въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумитъ нагорный. —
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтряная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокованцій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

(1829).

Когда, что звали мы своимъ.
На вѣкъ отъ насъ ушло,
И, какъ подъ камнемъ гробовымъ,
Намъ станеть тяжело...

Пойдемъ и взглянемъ вдоль рѣки.
Туда—по склону водъ.
Куда стремглавъ бѣгутъ струи,
Куда потокъ несетъ.—

Неодолимъ, не удержишь.
И не вернется вспять....
И чѣмъ мы далѣе глядимъ.
Тѣмъ легче намъ дышать... .

И слезы льются изъ очей.
И видимъ мы сквозь слезъ.
Какъ все быстрѣе и быстрѣй
Волненье понеслось....

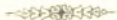
Душа впадаетъ въ забытье,
И чувствуетъ она,
Что вотъ умчала и ее
Великая волна.....

(1858).

И въ Божьемъ мірѣ тожъ бываетъ,
И въ Маѣ сивгъ идетъ порой,
А все жъ весна не унываетъ
И говоритъ: чередъ за мной!....
Безильна, какъ она ни злися,
Несвоевременная дурь,—
Мятели, вьюги улеглись:
Ужъ близко время лѣтнихъ бурь....

11 Мая 1866.

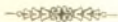

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля!
Духовъ безплотныхъ сладострастья,
Твой вѣрный сынъ, не жажду я.

Что предъ тобой утѣхи рая,
Пора любви, пора весны,
Цвѣтущее блаженство Мая,
Румяный свѣтъ, златые сны?

Весь день, въ бездѣйствіи глубокомъ.
Весенній теплый воздухъ пить,
На небѣ чистомъ и высокомъ
Порою облака слѣдить;

Бродить безъ дѣла и безъ цѣли
И, ненарокомъ, на лету,
Набрести на свѣжій духъ синели
Или на свѣтлую мечту!....

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала;

И доносился порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ сливалось строй,—
Строй звучный, шумный и невнятной.

Весенней нѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье.
Не знаю, дологъ ли былъ сонъ,—
Но странно было пробужденье.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ,
И воцарилось молчанье;
Ходили тѣни по стѣнамъ
И полусонное мерцанье;

Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,
И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

Смотри, какъ роща зеленѣеть,
Палящимъ солнцемъ облига,
И въ ней какую вѣгой вѣть
Отъ каждой вѣтки и листа!

Войдемъ и сядемъ надъ корнями
Деревъ, поймемъ родникомъ—
Тамъ, гдѣ обвѣянный ихъ мглами,
Онъ шепчетъ въ сумракѣ вѣмомъ.

Надъ нами бредятъ ихъ вершины,
Въ полневный зной погружены,
И лишь порою крикъ орлиный
До насъ доходитъ съ вышины....

1857.

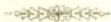

Въ небѣ таютъ облака
И лучистая, на зноѣ,
Въ искрахъ катится рѣка,
Словно зеркало стальное.

Часъ отъ часу жаръ сильнѣй,
Тѣнь ушла къ нѣмымъ дубровамъ,
И съ бѣлѣющихъ полей
Вѣетъ запахомъ медовымъ.

Чудный день!—пройдутъ вѣка,
Также будутъ въ вѣчномъ строѣ
Течь и искриться рѣка,
И поля дышать на зноѣ.

2 Авг. 1868.

Что ты влонишь надъ водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей...
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ въжась, блестя
И смѣется надъ тобой.

(1836).

Въ часы, когда бываетъ
Такъ тяжело на груди,
И сердце изнываетъ,
И тьма лишь впереди.

Безъ силъ и безъ движенья,
Мы такъ удручены,
Что даже утѣшенья
Друзей намъ не смѣшны,—

Вдругъ солнца лучъ привѣтный
Войдетъ украдкой къ намъ
И брызнетъ огнецвѣтной
Струею по стѣнамъ;

Со тверди благосклонной,
Съ лазоревыхъ высотъ—
Вдругъ воздухъ благовонный
Въ окно на насъ пахнетъ....

Уроковъ и совѣтовъ
Они намъ не несутъ,
И отъ судьбы навѣтовъ
Они насъ не спасутъ;

Но силу ихъ мы чуемъ,
Ихъ слышимъ благодать,
И меньше мы тоскуемъ,
И легче намъ дышать....

Такъ мило-благодатна,
Воздушна и свѣтла—
Душѣ моей стократно
Любовь твоя была.

1858.

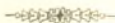

Какое лѣто, что за лѣто!
Да это, просто, колдовство;
И какъ, прошу, далось намъ это
Такъ ни съ того и ни съ сего?...

Гляжу тревожными глазами
На этотъ блескъ, на этотъ свѣтъ:
Не издѣваются-ль надъ нами?
Откуда намъ такой привѣтъ?

Увы, не такъ ли молодая
Улыбка женскихъ устъ и глазъ,
Не восхищая, не прельщая,
Подъ старость лишь тревожить насъ!....

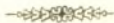
Августъ 1854.

Тихо въ озерѣ струится
Отблескъ кровель золотыхъ.
Много въ озерѣ глядится
Достопавностей бывлыхъ.
Жизнь играетъ, солнце грѣтъ;
Но подъ нею и подъ нимъ
Здѣсь бывое чудно вѣтъ
Обаяніемъ своимъ.

Солнце свѣтитъ золотое.
Блещутъ озера струи,
Здѣсь великое бывое
Словно дышетъ въ забытїи;
Дремлетъ сладко, беззаботно,
Не смущая дивныхъ сновъ
И тревогой мимолетной
Лебединыхъ голосовъ.

Царское Село, 1866.

Гроза дорогой.

Неохотно и несмѣло
Солнце смотритъ на поля....
Чу! За тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порой ...
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробилась изъ-за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣглый и летучій
Окаймилъ ея края.

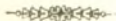
Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей.
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Исподобья на поля,—
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля.

Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутить небесную лазурь,
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ, —
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!

Какъ подъ незримую пятой
Лѣсные гнутся исполины!
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птицій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ.
Крутятся, слетаетъ на дорогу....

Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
Намъ все мерзить, и жизнь, какъ камней гряда,
Лежить на насъ,—вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнеть,
Минувшимъ насъ обвѣсть и обниметь
И страшный грузъ минуто приподниметь.

Такъ иногда, осеннею порой,
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, насмуриѣе долы,—
Вдругъ вѣтръ подуетъ, теплый и сырой,
Опавшій листь погонитъ предъ собою
И душу намъ обдастъ какъ бы весною.

Л и с т ь я .

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчатъ,
Въ снѣга и мятели
Закутавшись спать.
Ихъ тощая зелень,
Какъ иглы ежа,
Хоть въ вѣкъ не желтѣеть,
Но въ вѣкъ несвѣжа.
Мы жъ, легкое племя,
Цвѣтемъ и блестимъ,
И краткое время
На сучьяхъ гостимъ.
Все красное лѣто
Мы были въ красѣ,
Играли съ лучами,
Купались въ росѣ!...

Но птички отиѣли
Цвѣты отцвѣли,
Лука поблѣднѣли,
Зефиры ушли.
Такъ что же намъ даромъ
Висѣть и желтѣть?
Не лучше ль за ними
И намъ улетѣть?
О, буйные вѣтры,
Скорѣе, скорѣй!
Скорѣй насъ сорвите
Съ докучныхъ вѣтвей.
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотимъ. —
Летите, летите!
Мы съ вами летимъ!

1830.

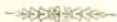

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный.
И лучезарны вечера.....

Гдѣ бодрый сериъ гулялъ и падалъ колосъ.
Теперь ужъ пусто все—просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на празднои бороздѣ.

Пустѣеть воздухъ, птицъ не слышно болѣ:
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Овстухъ, 1857.

Небо блѣдно-голубое
Дышетъ свѣтомъ и тепломъ,
Что-то радостно-родное
Вѣтъ, свѣтится во всемъ.

Воздухъ, полный теплой влаги,
Зелень свѣжую поитъ
И торжественные флаги
Зыбью тихую струить.

Чистымъ пламенемъ, спокойно,
По ночамъ горять огни....
Очарованныя ночи,
Очарованные дни!

Словно, строгій чинъ природы
Преданъ былъ, на эти дни,
Духу жизни и свободы,
Духу свѣта и любви.

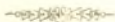
Словно, въ вѣкъ ненарушимый
Быль нарушенъ вѣчный строй
И любившей и любимой—
Человѣческой душой.

Въ этомъ ласковомъ сіяньѣ,
Въ этомъ воздухѣ живомъ
Чье-то чудится дыханье,
Чей-то слышится пріемъ.

И нѣмое умиленье,
Съ благодатью чистыхъ слезъ,
Къ намъ сошло, какъ отровенье,
И во всѣхъ отозвалось.

Небывалое досель
Помялъ вѣщій нашъ народъ.
И Дагмарина педѣля
Перейдетъ изъ рода въ родъ.

17 Сентября 1866.

Сентябрь холодный бушевалъ,
Съ деревьевъ ржавый листъ валился,
День потухающій дымился,
Сходила ночь, туманъ вставалъ.

Такъ было грустно-безотвѣтно,
И все для сердца и для глазъ
Такъ было холодно-безцвѣтно,
Но чья-то пѣснь вдругъ раздалась....

И вотъ, какимъ-то обаяньемъ,
Туманъ, свернувшись, улетѣлъ;
Небесный сводъ поголубѣлъ
И вновь подернулся сіяньемъ.

И все опять зазеленѣло,
Все обратилоя къ веснѣ....
И эта греза снилась миѣ,
Пока миѣ птичка ваша пѣла.

Сонъ на морѣ.

И море и буря качали нашъ челнъ.
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ;
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ, —
И мной своевольно играли онѣ.

Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы,
И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
Я въ хаосъ звуковъ леталъ оглушенъ;
Надъ хаосомъ звуковъ посился мой сонъ....

Болѣзненно-яркій, волшебнo-пѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой мiръ.
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ...

Сады, лабиринты, чертоги, столпы....
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ.—

По высямъ творенья я гордо шагаль,
И міръ подо мною недвижно сіяль...
Сквозь грёзы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

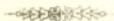
(1836).

Осенній вечеръ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и нестрота дерёвъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ;
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно-сиротвѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

(1840).

Н а Н е в ѣ.

И опять звѣзда ныряетъ
Въ легкой зыби Невскихъ волнъ,
И опять любовь ввѣряетъ
Ей таинственный свой чолнъ.

И межъ зыбью и звѣздою
Онъ скользятъ, какъ бы во снѣ,
И два призрака съ собою
Вдаль уносить по волнѣ.

Двѣти-ль это празднои дѣни
Тратятъ здѣсь досугъ ночью,
Иль блаженныя двѣ тѣни
Покидаютъ мѣръ земной?

Ты, разлитая какъ море,
Пышно-струйная волна,
Приюти въ твоёмъ просторѣ
Тайну скромнаго челна!

Іюль 1850.

Подъ дыханьемъ непогоды,
Вздувшись, потемнѣли воды
И подернулись свинцомъ,
И сквозь глянecъ ихъ суровый
Вечеръ пасмурно-багровый
Свѣтитъ радужнымъ лучомъ,
Сыплетъ искры золотыя.
Светъ розы огневья—
И уносить ихъ потокъ.
Надъ волной темнолазурной
Вечеръ пламенный и бурный
Обрываетъ свой вѣнокъ.

12 Августа 1850.

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сохлый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣтвѣ шелеститъ.

Гляжу съ участвомъ умилненнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ пенепрерннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

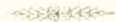
Какъ увидающее мило!
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немощно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!....

15 Сентября 1850.

Дума за думой, волна за волной—
Два проявленья стихіи одной!
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ.
Здѣсь—въ заключеніи, тамъ—на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
Тотъ же все призракъ тревожно-пустой!

12 Іюля 1851.

Mobile comme l'onde.

Ты, волна моя морская,
Своеравная волна,
Какъ, покоясь плъ играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнцѣ ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бьешься
Въ одичалой безднѣ водъ,—

Сладокъ мнѣ твой тихій шопоть,
Подный ласки и любви;
Внятенъ мнѣ и буйный ропоть,
Стоны въщїе твои.

Будь вѣрна стихїи бурной—
То угрюма, то свѣтла;
Но въ ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, какъ даръ завѣтный,
Въ зыбь твою я опустилъ,
И не камень самоцвѣтный
Я въ тебѣ похоронилъ.

Итъ, въ минуту роковую,
Тайной прелестью влекомъ,
Душу, душу я живую
Схоронилъ на днѣ твоемъ.

Апрѣль 1852.

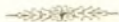

Чародѣйкою зимою
Околдованъ лѣсъ стоитъ—
И подъ снѣжной бахромою,
Неподвижною, вѣдомою,
Чудной жизнью онъ блеститъ.

И стоитъ онъ, околдованъ,
Не мертвецъ и не живой—
Сномъ волшебнымъ очарованъ,
Весь опутанъ, весь окованъ
Легкой цѣпью пуховой.

Солнце зимнее-ли мечеть
На него свой лучъ косою,
Въ немъ ничто не затрепещетъ:
Онъ лишь вспыхнетъ и заблещетъ
Ослѣпительной красой.

1852.

В е н е ц і я.

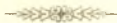
По зеркалу зыбкаго дола,
Подъ темнымъ покровомъ ночнымъ,
Таинственной тѣнью гондола
Скользитъ по струямъ голубымъ.

Въ часы тишины и пролады,
Синьора, услышавъ сквозь сонъ
Созвучья ночной серенады,
Не выйдетъ тайкомъ на балконъ.

Забыты октавы Торквато,
Умолкнулъ веселый напѣвъ,
Которымъ звучали когда-то
Уста гондольеровъ и дѣвъ.

Гондола скользитъ молчаливо
Вдоль мраморныхъ, мрачныхъ палатъ:
Изъ мрака онѣ горделиво,
Сурово и молча глядятъ.

(1853).

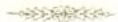
Венеція.

Дождь Венеціи свободной
Средь лазоревыхъ зыбей,
Какъ женихъ порфирородный,
Достолавно, всенародно
Обручался ежегодно
Съ Адриатикой своей.

И не даромъ въ эти воды
Онъ кольцо свое бросалъ:
Вѣки цѣлые, не годы,
Дивовалися народы...
Чудный перстень воеводы
Ихъ вязалъ и чаровалъ.

И чета въ любви и мирѣ
Много славы нажила;
Вѣка три или четыре,
Все могучѣе и шире,
Разросталась въ цѣломъ мірѣ
Тѣнь отъ львиного крыла.

А теперь въ волнахъ забвенья
Сколько брошенныхъ колець!
Миновались поколѣнья,—
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звеня
Тяжкой цѣпи наконецъ!

Осенней, позднею порою
Люблю я Царскосельскій садъ,
Когда онъ тихой полумглою
Какъ бы дремотою объять.
И бѣлокрылыя видѣнья,
На тускломъ озера стеклѣ.
Въ какой-то нѣгѣ онѣмѣнья—
Косиѣють въ этой полумглѣ....

И на порфирныя ступени
Екатерининскихъ дворцовъ
Ложатся сумрачныя тѣни
Октябрьскихъ раннихъ вечеровъ.
Сады темнѣють какъ дуброва,
И при звѣздахъ, изъ тьмы ночной,
Какъ отблескъ славнаго былого,
Выходитъ куполъ золотой.

Царское Село, 22 Октября 1858.

Дорога изъ Кенигсберга въ Петербургъ.

Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ
Огромной тучи снѣговой;
Синѣетъ даль съ ея угрюмымъ лѣсомъ,
Окутаннымъ осенней мглой!

Все голо такъ и пусто, необъятно,
Въ однообразіи нѣмомъ,
Мѣстами лишь просвѣчиваютъ пятна
Стоячихъ водъ, покрытыхъ первымъ льдомъ,

Ни звуковъ здѣсь, ни красокъ, ни движенья;
Жизнь отошла и, покорясь судьбѣ,
Въ какомъ-то забытѣи изнеможенья,
Здѣсь человекъ лишь снится самъ себѣ.

Какъ свѣтъ дневной, его тускнѣютъ взоры;
Не вѣрять онъ, хоть видѣлъ ихъ вчера,
Что есть края, гдѣ радужныя горы
Въ лазурныя глядятся озера.....

1859.

Грустный видъ и грустный часъ!
Дальнѣй путь торопить насъ....
Вотъ, какъ призракъ гробовой,
Мѣсяцъ всталъ, и изъ тумана
Освѣтилъ безлюдный край....
Путь далекъ, не унывай!

Ахъ, и въ этотъ самый часъ,
Тамъ, гдѣ нѣтъ теперь уяъ насъ,
Тотъ же мѣсяцъ, но живой
Дышетъ въ зеркаль Лемана!
Чудный видъ и чудный край....
Путь далекъ, не забывай!

1859.

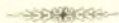
Есть много мелкихъ, безымянныхъ
Свѣтилъ въ небесной глубинѣ;
Для нашихъ слабыхъ глазъ туманныхъ
Недосягаемы онѣ.

И какъ онѣ бы ни свѣтили,
Не намъ о блескѣ ихъ судить.
Есть много въ небѣ звѣздной пыли,
Но намъ ея не различить.

Такимъ загадочнымъ свѣтиламъ
И вѣримъ и не вѣримъ мы;
Лишь телескопа дивнымъ силамъ
Дано ихъ вызывать изъ тьмы.

Но есть созвѣздія иныя,
Отъ нихъ иныя и лучи:
Какъ солнце, пламенно-живыя,
Они сіяютъ намъ въ ночи.

20 Дек. 1859.

Какъ хорошо ты, о море почное!
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходить, и дышетъ, и блещетъ оно.

На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіаньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи почномъ!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Водны несутся греми и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...

Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяніи,
Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянь стою.
И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ бы я душу свою!

2 Января 1865.

П л а в а н і е.

На равнинѣ водъ лазурной
Шли мы вѣрною стезей;
Огнедышащій и бурный
Уносилъ насъ змѣй морскою.

Съ неба звѣзды намъ свѣтили,
Снизу искрилась волна,
И мятежю влажной пыли
Обдавала насъ она.

Мы на палубѣ сидѣли...
Многихъ сонъ одолѣвать...
Все звучнѣй колеса гѣли,
Разгребая шумный валъ.

Пріутихъ нашъ кругъ веселый,
Женскій говоръ, женскій шумъ...
Подпираетъ локоть бѣлый
Много милыхъ, сонныхъ думъ.

Сны играют на просторъ
Подъ магической луной,
И баякаетъ ихъ море
Тихо-струйною волной.

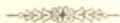

Не даромъ милосердымъ Богомъ
Пугливой птичка создана:
Спасенья вѣрнаго залогомъ
Ей робость чуткая дана.

И нѣтъ для бѣдной птички проку
Въ свойствѣ съ людьми, съ семьей людскою:
Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ ближе къ року—
Не сдобровать подъ ихъ рукой....

Вотъ птичку дѣвушка векормила,
Отъ первыхъ перушекъ съ гнѣзда,
Взлелѣяла и возростила
И не жалѣла, не щадила,
Для ней ни ласки, ни труда.

Но какъ съ любовію тревожной
Ты, дѣва, ни некласть о ней,
Настанетъ день,—день непреложный:
Питомецъ твой неосторожный
Погибнетъ подъ ногой твоей...

Est in arundineis modulatio musica ripis.

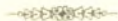
Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ,
И стройный музыкскій шорохъ
Струится въ зыбкихъ камышахъ.

Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ;
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаёмъ.

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И рошдетъ мыслящій тростникъ?

Природа сфинксъ. И тѣмъ она вѣрнѣй
Своимъ искусомъ губить человѣка,
Что, можетъ статья, никакой отъ вѣка
Загадки нѣтъ и не было у ней.

1870.

ЛЮБОВЬ.

Предопредѣленіе.

Любовь, любовь,—гласить преданье—
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ соединенье, сочетанье,
И роковое ихъ слиянье,
И поединокъ роковой.

И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжиѣ
Въ борьбѣ неравной двухъ сердець,
Тѣмъ неизбѣжнѣй и вѣриѣ,
Любя, страдая, грустно мѣня,
Оно изноеть наконецъ.

Чему молилась ты съ любовью,
Что какъ святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
Въ святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей.

Ахъ, если бы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Ее спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской!

Двумъ сестрамъ.

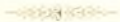
Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ,
И всю тебя узналъ я въ ней:
Тажъ тихость взора, нѣжность гласа,
Тажъ прелесть утренняго часа,
Что въяла съ главы твоей!

И все, какъ въ зеркалѣ волшебномъ,
Все обозначилоя вновь:
Минувшихъ дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

(1836).

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Повѣрь, изъ насъ изъ двухъ завидѣй часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я—
Я на тебя гляжу съ досадою ревнивой.

И, жалкій чародѣй передъ волшебнымъ міромъ,
Мной созданнымъ самимъ, безъ вѣры я стою,
И самого себя краснѣя, сознаю
Живой души твоей безжизненнымъ кумиромъ.

Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленной
Твой взоръ, твой страстный взоръ изнемогалъ
на немъ!....

Безсмысленно-нѣмой, нѣмой, какъ опаленный
Небесной молніи огнемъ....

Вдругъ, отъ избытка чувствъ, отъ полноты сердечной,
Вся трепеть, вся въ слезахъ, ты повергалась ницъ:

Но скоро добрый сонъ, младенчески-безпечный,
Сходилъ на шолкъ твоихъ рѣсеницъ.

И на руку къ нему глава твоя склонялась,
И матери нѣжнѣй тебя лелѣялъ онъ....

Стонъ замиралъ въ устахъ, дыханье уравнилось....
И тихъ и сладокъ былъ твой сонъ.

А днесъ.... О если бы тогда тебѣ пренилось.
Что будущность для васъ обоихъ берегла....
Какъ уязвленная, ты бѣ съ воплемъ пробудилась.
Нль въ сонъ иной бы перешла.

(1840).

Она сидѣла на полу
И груды писемъ разбирала,
И какъ остывшую золу,
Брала ихъ въ руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно такъ на нихъ глядѣла,
Какъ души смотрять съ высоты
На ими брошенное тѣло.

И сколько жизни было тутъ,
Невозвратно-пережитой,
И сколько горестныхъ минутъ
Любви и радости убитой!

Стоялъ и молча въ сторонѣ
И пасть готовъ былъ на колѣни,—
И страшно-грустно стало мнѣ,
Какъ отъ присущей милой тѣни

1858.

Такъ здѣсь-то суждено намъ было
Сказать послѣднее прости,
Прости всему, чѣмъ сердце жило,
Что жизнь убивъ, ее ищенило
Въ твоей измученной груди!

Прости.... Черезъ много, много лѣтъ
Ты будешь помнить съ содроганьемъ
Сей край, сей брегъ съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ,
Гдѣ позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ
Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ.

1 Дек. 1837. Генуя.

Не вѣрь, не вѣрь поэту.

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови—
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всеиленъ, какъ стихія,—
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодья
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поносить или хвалить
Поэта суетный народъ:
Онъ не змѣею сердце жалить,
Но какъ пчела его сосеть.

Твоей святыни не нарушить
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ—жизнь задушить
Иль унести за облака.

(1839).

Живымъ сочувствіемъ привѣта,
Съ недостижимой высоты,
О не смущай, молю, поэта,
Не искушай его мечты!

Всю жизнь въ толѣ людей затерявъ,
Порой доступенъ ихъ страстямъ,
Поэтъ, я знаю, суевѣренъ;
Но рѣдко служить онъ властямъ.

Передъ кумирами земными
Проходитъ онъ, главу склонивъ,
Или стоитъ онъ передъ ними
Смущенъ и гордо-боязливъ.

Но если вдругъ живое слово
Съ ихъ усть, сорвавшись, упадетъ,
И сквозь величія земнаго
Вся прелесть женщины мелькнетъ:

И человѣческимъ сознаньемъ
Ихъ всемогущей красоты
Вдругъ озарятся, какъ сіяньемъ,
Изящно-дивныя черты,—

О, какъ въ немъ сердце пламенѣть!
Какъ онъ восторженъ, умиленъ!
Пускай служить онъ не умѣетъ, —
Боготворить умѣетъ онъ.

Мюнхенъ, 1840.

Б л и з н е ц ы .

Есть близнецы, для земнородныхъ
Два божества: то смерть и сонъ,
Какъ братъ съ сестрою дивно сходныхъ:
Она угрюмѣй, кротче онъ.

Но есть другихъ два близнеца,
И въ мірѣ пѣтъ четы прекраснѣй,
И обаянья пѣтъ ужаснѣй,
Ей предающаго сердца.

Союзъ ихъ кровный, не случайный,
И только въ роковые дни
Своей неразрѣшимой тайной
Обворожаютъ насъ они.

И кто, въ избыткѣ ощущеній,
Когда кинитъ и стонетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній, —
Самоубійство и любовь?

1849.

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрише губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Давно-ль, гордясь своей побѣдой,
Ты говорилъ: она моя...
Годъ не прошелъ, спроси и свѣдай,
Что уцѣлѣло отъ нея?

Куда ланить дѣвались розы,
Улыбка устъ и блескъ очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрѣчѣ,
При первой встрѣчѣ роковой,
Ея волшебный взоръ и рвчи
И смѣхъ младенчески-живой?

И что-жъ теперь? И гдѣ все это?
И долговѣченъ ли былъ сонъ?
Увы, какъ сѣверное лѣто
Былъ мимолетнымъ гостемъ онъ!

Судьбы ужаснымъ приговоромъ
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженнымъ позоромъ
На жизнь ея она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
Въ ея душевной глубинѣ
Ей оставались воспоминанья....
Но измѣнили и онъ.

И на землѣ ей дико стало,
Очарованіе ушло....
Толпа, нахлынувъ, въ грязь втоптала
То, что въ душѣ ея цвѣло.

И что-жъ отъ долгаго мученья
Какъ пепелъ сберечь ей удалось?—
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль безъ отрады и безъ слезъ!

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего въ ризѣ губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Я очи зналъ,—о, эти очи!
Какъ я любилъ ихъ,—знаетъ Богъ!
Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не могъ.

Въ неностижимомъ этомъ взоръ,
Жизнь обнажающемъ до дна,
Такое слышалоса горе,
Такая страсти глубина!

Дышалъ онъ грустный, углубленный
Въ тѣни рѣсницъ ея густой,
Какъ наслажденье—утомленный,
И какъ страданье—роковой.

И въ эти чудныя мгновенья
Ни разу мнѣ не довелось
Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья
И любоваться имъ безъ слезъ.

Послѣдняя любовь.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суетвѣрнѣй....
Сіяй, сіяй прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ бродитъ сіянье.
Помедли, помедли, вечернѣй день,
Продлись, продлись очарованье!

Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность....
О, ты, послѣдняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

1857.

Я зналъ ее еще тогда,
Въ тѣ баснословные года,
Какъ передъ утреннимъ лучомъ
Первоначальныхъ дней звезда
Ужъ тонетъ въ небѣ голубомъ.

И все еще была она
Такъ свѣжей прелести полна,
Той доразсвѣтной темноты. —
Какъ бы незрима, неслышна,
Роса дожилась на цвѣты.

И жизнь ея тогда была
Такъ совершенна, такъ цѣла,
И такъ средѣ земной чужда,
Что, мнится, и она зашла,
А не погибла.—какъ звезда.

27 Марта 1861.

Весь день она лежала въ забытѣ,
И всю ее ужъ тѣни покрывали;
Лилъ теплый лѣтній дождь, его струи
По листьямъ весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться къ шуму,
И долго слушала—увлечена,
Погружена въ сознательную думу....

И вотъ, какъ бы бесѣдуя съ собой,
Сознательно она проговорила
(Я былъ при ней, убитый, но живой):
„О, какъ все это я любила!“

Любила ты, и такъ какъ ты любить—
Нѣтъ, никому еще не удавалось!
О Господи!.... и это пережить!....
И сердце на клочки не разорвалось!

Іюль 1864 г.

Играй, покуда надъ тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй съ людьми, играй съ судьбою.
Ты, жизнь, назначенная къ бою.
Ты, сердце, жаждущее бурь.

Какъ часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взоръ туманится слезами.
За чѣмъ? Что общаго межъ нами?
Ты жить идешь—я ухожу.

Я слышала утреннія грезы
Лишь пробудившагося дня ...
Но позднія, живыя грозы,
Но взрывъ страстей, но страсти слезы...
Нѣтъ—это все не для меня!

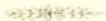
Но, можетъ быть. подъ зноемъ лѣта
Ты вспомнишь о своей веснѣ....
О, вспомни и про время это,
Какъ о забытомъ, до разсвѣта,
Намъ смутно-грезившемся снѣ.

Вторникъ, 25 Юли 1861.

Люблю глаза твои, мой другъ,
Съ игрой ихъ пламенно-чудесной,
Когда ихъ приподынешь вдругъ
И словно молніей небесной
Оканешь бѣгло цѣлый кругъ....

Но есть сильнѣе очарованье:
Глаза потупленные ницъ,
Въ минуты страстнаго лобзанья,
И сквозь опущенныхъ рѣсеницъ
Угрюмый, тусклый огонь желанья....

ЖИЗНЬ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА.

Въ уютной кельѣ, темной и смиренной. —
Тамъ жилъ тогда Жуковскій незабвенный, —
Я ждалъ его и, въ ожиданьи,
Колоколовъ Кремля и слушалъ завыванье.
За мѣдную слѣдилъ я бурей,
Поднявшейся съ безоблачной лазури
И вдругъ смѣненной пушечной пальбой...
Весенній первый день, лазурно-золотой,
Такъ свѣтозарень былъ надъ праздничной Москвой...
Тутъ первая меня достигла вѣсть,
Что въ міръ новый житель есть.
И новый Царскій гость въ Кремль:
Ты въ этотъ день дарованъ былъ землѣ!...
Съ тѣхъ поръ воспоминанье это
Въ душѣ моей всегда согрѣто,

Въ теченьи столькихъ лѣтъ оно не измѣняло,
Какъ вѣрный спутникъ мой, повсюду провожало.
И нынѣ, въ ранній утра часъ,
Оно еще, какъ столько разъ,
Все также дорого и мило.
И днесь, у самыхъ дней моихъ заката,
Мой одръ печальный посѣтило,
Мою всю душу осѣнило
И благодатный праздникъ возвѣстило...
Мнѣ было на всю жизнь благимъ знаменованьемъ.
И не ошибся я: вся жизнь моя прошла
Подъ этимъ кроткимъ, благостнымъ влияньемъ...
(17 Апрелья 1873).

О, вѣщая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бѣешься на порогахъ
Какъ бы двойнаго бытія!...

Такъ, ты жилище двухъ міровъ.
Твой день—болѣзненный и страстный,
Твой сонъ—пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ....

Пусть страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,—
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

(1855)

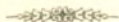
Хоть я и свиль гнѣздо въ долинь,
Но чувствую порой и я,
Какъ животворно на вершинѣ
Бѣжить воздушная струя,

Какъ рвется изъ густаго слоя,
Какъ жаждетъ горнихъ наша грудь,
Какъ все удушливо-земное
Она хотѣла-бъ оттолкнуть!

На недоступныя громады
Смотрю по цѣлымъ я часамъ:
Какія росы и прохлады
Оттуда съ шумомъ льются къ намъ!

Вдругъ просвѣтлѣютъ огненѣтно
Ихъ непорочныя свѣта:
По нимъ проходитъ незамѣтно
Небесныхъ Ангеловъ нога...

10 Октября 1861.

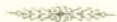
Не разсуждай, не хлопочи...
Безумство ищеть, глупость судить;
Дневныя раны сномъ лѣчи, —
А завтра быть тому, что́ будетъ.

Живя, умѣй все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать, о чемъ тужить?
День пережить—и слава Богу!

С л е з ы.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя, —
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгораетъ,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираетъ:

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразѣ нестершимомъ...

О, небо, еслибы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ,
И не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы—и погасъ!

(336).

Душа моя—элизіумъ тѣней!
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ годны буйной сей.
Ни радостямъ, ни горю нецричастныхъ.

Душа моя, элизіумъ тѣней!
Что общаго межъ жизнью и тобою.
Межъ вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней.
И сей безчувственной толпою!..

Мюнхенъ, 1836.

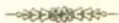
S i l e n t i u m !

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пуškai въ душевной глубинѣ
И всходить, и зайдуть онѣ.
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изрѣченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣпить лучи.
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

(1835).

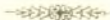

П о э з і я.

Среди громовъ, среди огней,
Среди влокачущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ—

Небесная—къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной яеностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

1848.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ.
Судьба, какъ вихрь, людей мятетъ,
И радъ ли ты, или не радъ,
Что нужды ей?... Впередъ, впередъ!

Знакомый звукъ намъ вѣтръ принесъ:
Любви послѣднее прости...
За нами много, много слезъ,
Туманъ, безвѣстность впереди!

„О оглянися, о постой,
Куда бѣжать, зачѣмъ бѣжать?
Любовь осталась за тобой;
Гдѣ жъ въ мірѣ лучшаго сыскать?“

„Любовь осталась за тобой,
Въ слезахъ, съ отчаяньемъ въ груди...
О сжался надъ своей тоской,
Свое блаженство пощади!“

„Блаженство столькихъ, столькихъ дней
Себѣ на память приведи...
Все милое душѣ твоей
Ты покидаешь на пути“...

— Не время выкликать тѣней:
И такъ ужъ мраченъ этотъ часъ!
Усопшихъ образъ тѣмъ страшнѣй,
Чѣмъ въ жизни былъ милѣй для насъ.

Изъ края въ край, изъ града въ градъ,
Могучій вихрь людей мятетъ,
И радъ ли ты, или не радъ,
Не спросить онъ.... Впередъ, впередъ!

При посылкѣ Новаго Завѣта.

Не легкой жребій, не отрадный,
Былъ вынута для тебя судьбой,
И рано съ жизнью беспощадной
Вступила ты въ неравный бой.

Ты билась съ мужествомъ немногихъ,
И въ этомъ роковомъ бою
Изъ испытаній самыхъ строгихъ.
Всю душу вынесла свою.

Нѣтъ, жизнь тебя не побѣдила,
И ты въ отчаянной борьбѣ
Ни разу, другъ, не измѣнила
Ни правдъ сердца, ни себя.

Но скудны все земныя силы:
Разевирываетъ жизни зло—
И намъ, какъ на краю могилы,
Вдругъ станетъ страшно-тяжело.

Вотъ, въ эти-то часы, съ любовью,
О книгѣ сей ты вспомяни,
И всей душой, какъ къ изголовью,
Къ ней припади и отдохни.

(1861)

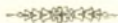

Я Лютеранъ люблю богослуженье,
Обрядъ ихъ строгій, важный и простой;
Сихъ голыхъ стѣнъ, сей храмины пустой
Понятно мнѣ высокое ученье.

Но видите-ль? Собравшия къ дорогу,
Въ послѣдній разъ вамъ вѣра предстоитъ.
Еще она не перешла порогу,
Но домъ ея ужъ пусть и голъ стоитъ;

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь....
Но часъ насталь, пробилъ.... Молитесь Богу:
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь.

Тегеризее, 15 Сентября 1834.

Итальянская вилла.

И распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью, тѣнью Елисейской,
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ, тому ужъ вѣка два иль болѣ,
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно!
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

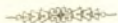
Но прежнему фонтанъ въ углу лепечеть.
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ.
И ласточка влетаетъ и щебечеть....
И снится она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли. Все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ, недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и пѣкшій чудный лепеть,
Какъ бы сквозь сонъ, невнятно прошепталъ.

Что это, другъ? Иль злая жизнь не даромъ,
Та жизнь—увы!—что въ насъ тогда текла,
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

(1838).

Д о ч е р и.

(Маріи Федоровнѣ Бирюлевой, лѣчившейся въ Мерацѣ).

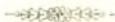
День православнаго Востока,
Святой, святой, великій день,
Разлей свой благовѣсть широко
И всю Россію имъ одѣнь.

Но и Святой Руси предѣломъ
Его призыва не стѣсний:
Пусть слышенъ будетъ въ мірѣ цѣломъ,
Пускай онъ льется черезъ край,

Своею дальнею волною
И ту долину захвата,
Гдѣ бьется съ немощію злою
Мое родимое дитя.

Тотъ свѣтлый край, куда въ изгнанье
Она судьбой увлечена,
Гдѣ неба южнаго дыханье
Какъ врачество лишь пьетъ она.

О, дай болящей исцѣленье,
Отрадой въ душу ей полей,
Чтобы въ Христово Воскресенье
Всецѣло жизнь воскресла въ ней...

На кончину брата.

Братъ, столько лѣтъ сопутствовавшій мнѣ,
И ты ушелъ, куда мы все уйдемъ,
И я теперь на голой вышинѣ
Стою одинъ—и пусто все кругомъ.

И долго-ль мнѣ стоять здѣсь одному?
День, годъ другой—и пусто будетъ тамъ,
Гдѣ я теперь смотрю въ почную тьму,
Но что со мной, не сознавая самъ...

Безслѣдно все, и такъ легко не быть!
При мнѣ или безъ меня—что нужды въ томъ?
Все будетъ тожь—и вьюга такъ же вить,
И тотъ же мракъ, и таже степь кругомъ.

Дни сочтены; утратъ не перечесть:
Живая жизнь давно ужъ позади;
Передоваго нѣтъ, и я, какъ есть,
На роковой стою очереди.

Съ горы скатившись, камень легъ въ долину.
Какъ онъ уиалъ, никто не знаетъ нынѣ.
Сорвался-ль онъ съ вершины самъ собой,
Или низвергнуть мыслящей рукой?
Столѣтье за столѣтьемъ пронеслося:
Никто еще не разрѣшилъ вопроса.
Когда пробѣетъ послѣдній часъ природы,
Составъ частей разрушится земныхъ,
Все зримое оиять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ нихъ.

Андрею Николаевичу Муравьеву.

Тамъ, гдѣ на высотѣ обрыва
Воздушный, свѣтозарный храмъ
Уходитъ высурь—очамъ на диво—
Какъ бы парящій къ небесамъ;

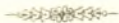
Гдѣ Первозваннаго Андрея
Еще поднесъ сіяетъ крестъ,
На небѣ Кіевскомъ бѣлѣя,
Святой блюститель здѣшнихъ мѣсть:

У ногъ его, свою обитель
Его покровомъ осѣня,
Живешь ты въ ней—не праздный житель,
На склонѣ трудового дня.

И кто бы могъ, безъ умиленья,
И нынѣ не почитать въ тебѣ
Единственно жизни и стремленья
И твердость стойкую въ борьбѣ?

Да, много, много испытай
Ты перенеси и одолей!
Живи жъ не въ суетномъ сознаньи
Тобой свершенныхъ добрыхъ дѣлъ;

Живи и бодрствуй—для примѣра,
Намъ заявляющаго вновь,
Что могутъ дѣйственная вѣра
И непреклонная любовь.

И чувства нѣтъ въ твоихъ очахъ,
И правды нѣтъ въ твоихъ рѣчахъ,
И нѣтъ души въ тебѣ.

Мужайся, сердце, до конца:
И нѣтъ въ твореніи Творца,
И смысла нѣтъ въ мольбѣ!

В ъ д о р о г ѣ.

Здѣсь, гдѣ такъ вяло сводъ небесный
На землю тощую глядитъ,
Здѣсь, погружившись въ сонъ желѣзный,
Усталая природа спитъ.

Лишь кой-гдѣ блѣдныя березы,
Кустарникъ мелкій, мохъ съдой,
Какъ лихорадочныя грезы,
Смушаютъ мертвенный покой.

Ц и ц е р о н ъ.

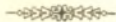
Ораторъ Римскій говорилъ:
„Средь бурь гражданскихъ и тревоги,
Я поздно всталъ и на дорогъ
Застигнуть ночью Рима былъ!“

Такъ! Но, прощаясь съ Римской славой,
Съ Капитолійской высоты
Во всемъ величьи видѣлъ ты
Закатъ звѣзды его кровавой!....

Счастливъ, кто посѣтилъ сей мѣръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали Всеблагіе,
Какъ собесѣдника на пиръ.

Онъ ихъ высокихъ зрѣлицъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
И заживо, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

(1836).

Тамъ, гдѣ горы, убѣган,
Въ свѣтлой тянутся дали,
Пресловутаго Дуная
Льются вѣчныя струи.

Тамъ-то, молвятъ, въ стары годы,
По лазуревымъ ночамъ,
Фей вилися хороводы
Подъ водой и по водамъ.

Мѣсяцъ слушалъ, волны пѣли
И, навѣсясь съ горъ крутыхъ,
Замки рыцарей глядѣли
Съ сладкимъ ужасомъ на нихъ.

И лучами неземными,
Заключенъ и одинокъ,
Перемигивался съ ними
Съ древней башни огонекъ.

Звѣзды въ небѣ имъ внимали,
Проходя за строемъ строй,
И бесѣду продолжали
Тихомолкомъ межъ собой.

Въ панцырь дѣдовскій закованъ,
Воинъ-сторожъ на стѣнѣ
Слушалъ, тайно очарованъ,
Дальній гулъ какъ бы во снѣ.

Чуть дремотой забывался,
Гулъ яснѣлъ и грохоталъ....
Онъ съ молитвой просыпался
И дозоръ свой продолжалъ.

Все прошло, все взяли годы:
Поддался и ты судьбѣ,
О, Дунай, и пароходы
Нынче рыщутъ по тебѣ.

1837.

Черезъ Ливонскія я проѣзжалъ поля.
Вокругъ меня все было такъ уныло;
Безцвѣтный грунтъ небесъ, песчаная земля:
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнилъ о быломъ печальной сей земли:
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ея, простерты въ пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И гляди на тебя, пустынная рѣка,
И на тебя, прибрежная дуброва,
Вы—мыслилъ я—пришли издалика,
Вы, сверстники сего былова!

Такъ вамъ однимъ лишь удалось
Дойти до насъ съ бреговъ другого свѣта.
О, если бъ про него хоть на одинъ вопросъ
Могъ допроситься я отвѣта!...

Но твой, природа, міръ о дняхъ былыхъ молчить,
Съ улыбкою двусмысленной и тайной.

Такъ отрокъ, чаръ nocturnыхъ свидѣтель бывъ слу-
чайной.

Про нихъ и днемъ молчаніе хранить.

1830.

К о л у м б ъ.

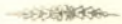
Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло
И довершившій, наконецъ,
Судебъ неконченное дѣло!

Ты завѣсу расторгъ всецѣльною рукой.
И новый міръ, невѣдомый, неожиданный,
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой.

Такъ связанъ, съединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.

Скажи завѣтное оное слово—
И міромъ новымъ естество
Всегда откликнется готово
На голосъ родственннй его.

1844.

Н а п о л е о н ъ.

1.

Сынъ революціи! Ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ:
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!...
Бой невозможный, трудъ напрасный:
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!..

2.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ—орлы парили,
Въ его груди змѣи вились...
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ,
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему.

Онъ былъ земной, не Божій пламень!
Онъ гордо плыль, презритель волнъ!
Но о подводный Вѣры камень
Въ щепы разбился утлый чолгъ...

3.

Прѣзжая черезъ Ковно.

Ты-ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя-ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой—
Россіи вѣрный часовой!

Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты суостата къ ней впустилъ,
И цѣлость Русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь-ли бывшее, Нѣманъ,—
Тотъ день години роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ,—могучій, южный демонъ?

И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шуми подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки
Знамена весело шумѣли,
На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли.

И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь одного онъ не видалъ!
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной,
Стоялъ Другой—стоялъ и ждалъ...

И мимо проходила рать,
Все грозно-боевыя лица,
И неизбежная Десница
Клала на нихъ свою печать.

И такъ побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струпились молніей штыки
И барабаны заливались...

Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва-ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

4.

И ты стоялъ, передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:
„Да сбудутся ея судьбы!!!“...

И не напрасно было заклинанье:
Судьба откликнулась на голосъ твой.
Но новою загадкою въ изгнаньи
Ты возразилъ на отзывъ роковой.

Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной
На родину вернувшійся мертвецъ,
На берегахъ рѣки тебѣ любезной,
Тревожный духъ, почилъ ты, наконецъ...

Но чутокъ сонъ и, по почамъ тоскуя,
Порою вставъ, ты смотришь на Востокъ,
И вдругъ, смутясь, объжнись, какъ бы почувд
Передразсвѣтнѣй вѣтерокъ.

5.

И з ъ М а н ц о н и.

Высокаго предчувствія
Порывы и томленье;
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье,
И замысловъ событіе
Несбыточныхъ какъ сонъ.

Все испыталь онъ. Счастіе,
Побѣду, заточеніе,
И все судьбы пристрастіе,
И все ожесточенье.

Два раза брошенъ былъ во прахъ
И два раза на тронъ!...

Явился: два столѣтія
Въ бореніи жестокомъ,
Его урвѣвъ, смирились вдругъ,
Какъ предъ всеильнымъ рокомъ.
Онъ повелѣлъ умолкнуть имъ
И сѣлъ межъ нихъ судьей!

Исчезъ, и въ ссылкѣ довершилъ
Свой вѣкъ неимовѣрный—
Предметъ безмѣрной зависти
И жалости безмѣрной,
Предметъ вражды неистовой,
Преданности слѣпой!..

Какъ часто предъ кончиной дня—
Дня безотрадной муки—
Потунивъ молніи очей,
Крестомъ сложивши руки,
Стоялъ онъ, и минувшее
Овлаждѣвало имъ.

Онъ зрѣлъ въ умѣ: подвижные
Шатры, равнины боевъ,
Рядовъ пѣхоты длинный блескъ,
Потоки конныхъ строевъ—
Желѣзный міръ и дышущій
Велѣніемъ однимъ!...

О, подъ толикимъ бременемъ
Въ немъ сердце истомилося,
И духъ упалъ... Но сильная
Къ нему рука спустилася
И къ небу, милосердая,
Его приподняла!...

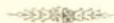
Д е к а б р и с т а м ъ

Васъ развратило самовластье,
И мечъ его васъ поразилъ,
И въ неподкупномъ безпристрастьи
Сей приговоръ законъ скрѣпилъ.

Народъ, чуждаясь вѣроломства,
Поноситъ ваши имена,
И ваша память для потомства,
Какъ трупъ въ землѣ, схоронена.

О жертвы мысли безразсудной!
Вы уповали, можетъ быть,
Что станетъ вашей крови скудной,
Чтобъ вѣчный полюсъ растопить.

Едва дымясь, она сверкнула
На вѣковой громадѣ льдовъ:
Зима желѣзная дохнула,
И не осталось и слѣдовъ.

На взятіе Варшавы.

Какъ дочь родную на закланье
Агамемнонъ богамъ принесъ,
Прося попутныхъ бурь дыханья
У негодующихъ небесъ:

Такъ мы надъ горестной Варшавой
Ударъ свершили роковой,
Да кунимъ сей цѣной кровавой
Россіи цѣлость и покой.

Но прочь отъ насъ вѣнецъ безславья,
Сплетенный рабскою рукой:
Не за корань самодержавья
Кровь Русская лилась рѣкой.

И вѣтъ, насъ одушевляло къ бою
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вѣра
У Русскихъ билася въ груди:
Грозой спасительной примѣра
Державы цѣлости соблюсти,

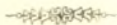
Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя Русское собрать
И вѣсть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.

И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.

Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ,
И неуклонно за звѣздою
Идетъ къ таинственной мечтѣ.

Ты-жь, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!

Вѣрь слову Русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято сбережемъ.
И наша общая свобода,
Какъ Фениксъ, возродится въ немъ!

На смерть Гёте.

На древъ человѣчества высокомъ
Ты лучшимъ былъ его листомъ,
Воспитанный его чистѣйшимъ сокомъ,
Развитъ чистѣйшимъ солнечнымъ лучомъ.

Съ его великою душою
Созвучнѣй всѣхъ, на немъ ты трепеталъ,
Пророчески бесѣдовалъ съ грозой
Иль весело съ зефирами игралъ.

Не поздній вихрь, не буйный ливень лѣтній
Тебя сорвалъ съ родимаго сучка:
Былъ многихъ краше, многихъ долгодѣтнѣй,
И самъ собою палъ—какъ изъ вѣвика!

(1832).

На кончину Пушкина.

Изъ чьей руки свинець смертельный
Поэту сердце растерзаль?
Кто сей божественный фіаль
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?

Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою землею,
На вѣкъ онъ вышею рукою
Въ царевѣицы заклеименъ.

А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!..

На зло людскому суетловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой:
Ты былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолилъ
И осѣненный, опочилъ,
Хоругвью горести народной.

Вражду твою пусть Богъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь...
Тебя-жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

К ъ Г а н к ѣ.

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ?
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Вѣки мы слѣпцами были
И, какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случилось ли, порою,
Намъ столкнуться какъ-нибудь,—
Кровь не разъ лилась рѣвою.
Мечъ терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣми
Плодь сторичный принесло:
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иновѣрецъ, иноземецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ:
Тѣхъ обезьязычилъ Швецъ,
Этихъ Турокъ осрамилъ.

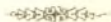
Вотъ среди сей ночи темной,
Здѣсь, на Пражскихъ высотахъ,
Доблѣй мужъ рукою скромной
Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ.

О, какими вдругъ лучами
Озарились все края!
Обличилась передъ нами
Вся Славянская земля.

Горы, степи и поморья
День чудесный осіялъ,
Отъ Невы до Черногорья,
Отъ Карпатовъ за Ураль.

Разсвѣтаетъ надъ Варшавой,
Кіевъ очи отворилъ,
И съ Москвой золотоглавой
Вышеградъ заговорилъ.

И нарѣчій обратскихъ звуки
Вновь понятны стали намъ.
На яву увидятъ внуки
То, что снилося отцамъ!

Приписка, сдѣланная въ 1867 году, во
время перваго Славянскаго съѣзда въ
Россіи.

Такъ изывалъ я, такъ гласилъ я!
Тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ ушло:
Все упорѣе усилъя,
Все назойливѣе зло.

Ты, стоящій днесъ предъ Богомъ,
Мужъ добра, святая тѣнь,—
Будь вся жизнь твоя залогомъ,
Что придетъ желанный день.

За твое же постоянство
Въ нескончаемой борьбѣ,
Первый праздникъ всеславянства
Приношеньемъ будь тебѣ!...

Море и утесъ.

И бунтуетъ, и клокочетъ,
Плещетъ, свищетъ и реветъ,
И до звѣздъ допрыгнуть хочетъ,
До незыблемыхъ высотъ!
Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клокочущимъ котломъ,
Огнь геенскій разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

Волнъ неистовыхъ прибоемъ
Безирерывно валъ морской
Съ ревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой!
Но, спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуянь,
Неподвижный, неизмѣнный,

Мірозданью современный,
Ты стоишь, напѣ великанъ!
И озлобленныя боемъ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ воємъ
На гранитъ громадный твой.
Но о камень неизмѣнный
Буйный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ...

Стой же ты, утесъ могучій!
Обожди лишь часъ-другой:
Надоветъ волнѣ гремячей
Воевать съ твоей пятой!
Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣетъ вновь она,
И безъ вою и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

Ужъ третій годъ бѣснуются языки.
Вотъ и весна, и съ каждою весной,
Какъ стая дивихъ птицъ передъ грозой,
Тревожнѣй шумъ, разноголоснѣй крики.

Въ раздумьи грустномъ князи и владыки,
И держать вожжи трепетной рукой;
Подавленъ умъ зловѣщею тоской;
Мечты людей, какъ сны больного, дики.

Но съ нами Богъ!... Сорвавшись со дна,
Вдругъ одурѣвъ, полна грозы и мрака,
Стремглавъ на насъ рванулась глубина,—
Но твоего не помутила зрака...
Вѣтръ свирѣпѣлъ; но... *да не будетъ тако* *),
Ты рекъ, и вепять отхлынула волна.

1850.

*) Слова въ манифестъ Николая Павловича.

Р а з с в ѣ т ь.

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ;
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло.
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчать колокола,
А ужъ Востокъ заря румянитъ;
Ночь безкопечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора-ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградъ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будить онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ достѣхн вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполнишь державный!...
О, Русь, великъ грядущій день,
Всееленскій день и православный!

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ Славянской міровой громадѣ
Строй вождельный водворится,
Какъ съ Русью Польна помирится
А помирятся-жъ эти двѣ
Не въ Петербургъ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ...

1850.

Нѣтъ, карликъ мой, трусь безпримѣрный,
Ты, какъ ни жмися, какъ ни трусь,
Своей душою маловѣрной
Не соблазнишь Святую Русь...

Иль все святыя упованья,
Все убѣжденья истребя,
Она отъ своего призванья
Вдругъ отречется для тебя?..

Иль такъ ты дорогъ Провидѣнью,
Такъ друженъ съ нимъ, такъ за-одно,
Что, дорожа твоею лѣнью,
Вдругъ остановится оно?...

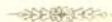
Не вѣрь въ Святую Русь кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой—
И Богъ победы не отерочитъ
Въ угоду трусости людской.

То, что обвѣщено судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Что ей завѣщено вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей,

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечемъ,
То, что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ крыломъ.—

Вѣнца и скиптра Византии
Вамъ не удастся насъ лишить!
Всемирную судьбу Россіи,
И вѣтъ, вамъ ея не заурядить!...

1850.

На кончину Жуковского.

Я видѣлъ вечеръ твой. Онъ былъ прекрасенъ!

Послѣдній разъ, прощаяся съ тобою.

Я любовался имъ: и тихъ, и ясенъ.

И весь насквозь проникнутъ теплотой...

О, какъ они и грѣли и сіяли—

Твои, поэтъ, прощальные лучи...

А между тѣмъ замѣтно выступали

Ужъ звѣзды первые въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья. ..

Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣшалъ.

Съ какимъ радушіемъ благоволенья

Онъ были мнѣ Омировы читалъ!

Цвѣтуція и радужныя были

Младенческихъ первоначальныхъ лѣтъ!

А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили

Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

Но-истинъ, какъ голубь чистъ и нѣлъ

Онъ духомъ былъ; хоть мудрости змѣиной

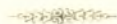
Не презиралъ, понять ее умѣлъ.

Но вѣялъ въ немъ духъ чисто-голубиный.

И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣвъ и просвѣтлѣлъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ...

И этотъ-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникши лиру,
Какъ лучший плодъ, какъ лучший подвигъ свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ ли міръ, оцѣнитъ ли его?
Достойны-ль мы священнаго залога?
Иль не про насъ сказала Божество:
„Лишь сердцемъ чистые — тѣ узрять *Бога*“.

1852.

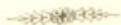
Н а ш ъ в ѣ к ъ.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни.
И человѣкъ отчаянно тоскуеть;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣвши, рошцетъ и бунтуеть.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесъ выносить!..
И сознаётъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.

Не скажетъ вѣкъ, съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
„Приди на помощь моему невѣрью!“....

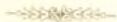
Москва, 30 Іюля 1853.

Пророчество.

Не гуль молвы прошелъ въ народъ.
Вѣсть родилась не въ нашемъ родъ —
То древній гласъ, то свыше гласъ:
„Четвертый вѣкъ ужъ на пеходъ, —
Свершится онъ, и грянетъ часъ!“

И своды древніе Софін
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!..“
Нади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань какъ Всеславянскій царь!

О л е г о в ъ щ и т ъ .

Молитва Магометанъ.

„Аллахъ, пролей на насъ твой свѣтъ!
Краса и сила правовѣрныхъ,
Гроза гяуровъ лицемерныхъ,
Пророкъ твой—Магометъ!“...

Молитва Славянъ.

„О наша крѣпость и оплотъ!
Великій Богъ, веди насъ нынѣ,
Какъ нѣкогда Ты велъ въ пустынѣ
Свой избранный народъ!“...

Глухая полночь. Все молчить.
Вдругъ... изъ-за тучъ луна блеснула,
И надъ воротами Стамбула
Олеговъ озарила щить.

Теперь тебѣ не до стиховъ,
О слово Русское, родное!
Созрѣла жатва, жнецъ готовъ,
Настало время не земное...

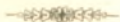
Ложь воплотилася въ булатъ:
Какимъ-то Божьимъ попуценьемъ
Не цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозитъ неспроверженьемъ...

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя свѣта и свободы!

Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ пророчатъ посрамленье,
Ты—лучшихъ, будущихъ временъ
Глаголь, и жизнь, и просвѣщенье!

О, въ этомъ испытаньи строгомъ,
Въ послѣдней, въ роковой борьбѣ,
Не измѣни же ты себѣ
И оправдайся передъ Богомъ...

Декабрь 1854.

На новый 1855 годъ.

Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою:
Не намъ сорвать съ нея покровъ...
Я не свое тебѣ открою,
А бредъ пророческій духовъ.

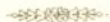
Еще намъ далеко до цѣли.
Гроза реветъ, гроза растетъ,
И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ, родится новый годъ.

Черты его ужасно-строги,
Кровь на рукахъ и на челв;
Но не однѣ войны тревоги
Несетъ онъ людямъ на землѣ.

Не просто будетъ онъ воитель;
Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершитъ, какъ поздній метитель,
Давно задуманный ударъ.

Для битвъ онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкиру палача.

Но на кого?.. Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обречень?...
Слова неены роговыя,
И смутенъ замогильный сонъ.

На прїѣздъ Австрійскаго эрцгерцога
къ похоронамъ императора Николая.

Нѣтъ, мѣра есть долготерпѣнью,
Безстыдству также мѣра есть...
Клянусь его вѣнчанной тѣнью,
Не все же можно перенести!

И какъ не грянетъ отовсюду
Одинъ всеобщій кличъ тоски:
Прочь, прочь Австрійскаго Іуду
Отъ гробовой его доски!

Прочь съ ихъ предательскимъ лобзаньемъ,
И весь „апостольскій“ ихъ родъ
Будь клейменъ однимъ прозваньемъ:
Искаріотъ, Искаріотъ!

1855.

Увы, что нашего незнамя
И беспомощнѣй, и грустнѣй?
Кто смѣетъ молвить: до свиданья!
Черезъ бездну двухъ или трехъ дней?

1855

Вотъ отъ моря и до моря
Нить желъзная бѣжитъ,
Много славы, много горя
Эта нить порой вѣститъ.

И за ней слѣдя глазами,
Путникъ видитъ, какъ порой,
Птицы вѣщія садятся
Вдоль по нити вѣстовой.

Вотъ съ поляны воронъ черный
Прилетѣлъ и сѣлъ на ней,
Сѣлъ и каркнулъ, и крылами
Замахалъ отъ веселѣй.

И кричитъ онъ, и ликуеть,
И кружится все надъ ней:
Ужъ не кровь ли воронъ чуетъ
Севастопольскихъ вѣстей?...

1855.

Надъ этой темною толпою
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживить,
И сонъ разгонить и туманы...
По старья, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнныя души и пустота,
Что вложеть умъ и въ сердце постъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа...

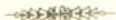
1857.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношею крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Неходилъ благословляя.

М е м е н т о.

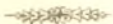
(Императрица Александра Феодоровна)

Ея послѣдніе я помню взоры
На этотъ край, на озеро и горы,
Въ роскошной славѣ западныхъ лучей:
Какъ сквозь туманъ болѣзни многотрудной,
Она, порой, ловила призракъ чудный, —
Весь этотъ міръ былъ такъ сочувственъ ей!

Какъ эти горы, волны и свѣтла,
И въ полутьмѣ своей она любила
Своею чуткой, любящей душой!
И предъ грозой, ужъ близкой, разрушенья,
Какія въ ней бывали умиленья
Предъ этой жизнью вѣчно-молодой!

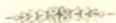
Свѣтились Альпы, озеро дышало.
И тутъ же намъ, сквозь слезъ, понятно стало,
Что чья душа такъ царственно свѣтла,
Кто до конца сберечь ее живую, —
И въ страшную минуту роковую
Все той же будетъ, чѣмъ была!..:

Женсва, 1860 г.

Императору Александру Второму.

Ты взял свой день... Замѣченный отъ вѣка
Великою Господней благодатью,—
Онъ рабскій образъ сдвинулъ съ чловѣка
И возвратилъ семь меньшую братью...

Польскій мятежъ.

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похорошъ.

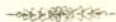
Осьмой ужъ мѣсяць длится эти битвы,
Геройскій пылъ, предательство и ложь,
Притонъ разбойничій въ дому молитвы,
Въ одной рукѣ распятіе и ножъ.

И цѣлый міръ, какъ опьяненный ложью,
Всѣ виды зла, всѣ ухищренья зла!....
Нѣтъ, никогда такъ дерзко правду Божью
Людская кривда къ бою не звала!...

И этотъ кличъ сочувствія слѣпаго,
Всемирный кличъ къ неистовой борьбѣ,
Развратъ умовъ и искаженье слова—
Все поднялось и все грозитъ тебѣ.

О, край родной! Такого ополченья
Миръ не видалъ съ первоначальныхъ дней...
Велико знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крѣпнись и одолѣй!

Москва, 1863.

Князю А. А. Суворову.

Гуманный вѣнокъ воиственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что Русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, Русскіе, Европы не спросясь!...

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему;

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ—
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ?...

Кто, избранный для всѣхъ крамоль мишенью,
Сталъ и стоитъ, спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло, увы! и пощлостямъ роднымъ

Такъ будь и намъ позорною ушкою
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великій
Его скрѣпилъ бы подписью своею.

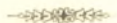
12 Ноября 1863. Спб.

Князю Горчакову.

Вамъ вышло призыванье роковое;
Но тотъ, кто призвалъ васъ, и соблюдетъ.
Все лучшее въ Россіи, все живое
Глядитъ на васъ и вѣритъ вамъ, и ждетъ.
Обманутой, обиженной Россіи
Вы честь спасли—и выше нѣтъ заслугъ.
Днесь подвиги вамъ предстоятъ иные:
Отстойте мысль ея, спасите духъ...

1864.

На кончину графа Д. Н. Блудова.

И тихими послѣдними шагами
Онъ подошелъ къ окну. День вечерѣлъ,
И чистыми, какъ благодать, лучами
На Западъ свѣтился и горѣлъ.
И вспомнилъ онъ годину обновленья,
Великій день, новозавѣтный день!
И на лицѣ его отъ умиленья
Предемертная вдругъ озарилась тѣнь.

И разъ еще два образа родные
(Ихъ, какъ святыню, въ сердцѣ онъ носилъ)
Предстали передъ нимъ—Царь и Россія,
И отъ души онъ ихъ благословилъ.
Потомъ главою приналъ онъ къ изголовью:
Послѣдняя свершалася борьба, —
И самъ Спаситель отпустилъ съ любовью
Послушнаго и вернаго раба!...

19 Февраля 1864. Сиб.

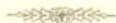

Н и ц ц а.

О этотъ Югъ, о эта Ницца!...
О, какъ ихъ блескъ меня тревожить!
Мысль, какъ подстрѣленная птица,
Подняться хочетъ и не можетъ...

Нѣтъ ни полета, ни размаху;
Висятъ поломанныя крылья,
И все дрожитъ, прижавшись къ праху.
Въ сознаньи грустнаго безцелья...

21 Ноября 1864.

Е п с у с л і с а.

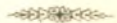
Быль день, когда Господней правды молотъ
Громилъ, дробилъ ветхозавѣтный храмъ,
И собственнымъ мечомъ своимъ заколотъ—
Въ немъ издыхалъ первосвященникъ самъ.

Еще страшнѣй, еще неумолимѣй
И въ наши дни, дни Божьяго суда,
Свершится казнь въ отступническомъ Римѣ
Надъ лже-намѣстникомъ Христа.

Столѣтья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темныя дѣла;
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула.

Не отъ меча погибнетъ онъ земнаго.
Мечомъ земнымъ владѣвшій столько лѣтъ!
Его погубить роковое слово:
„Свобода совѣсти есть бредъ“.

Ницца, 21 Декабря 1864.

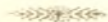
Императрица Марія Александровна.

I.

Какъ неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышетъ въ ней.
Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ
На тихій свѣтъ ея очей.

Земное-ль въ ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотѣла-бъ ей молиться,
А сердце рвется обожать...

Нацца, 3 Ноября 1864.

II.

Кто бъ ни былъ ты, но встрѣтись съ ней,
Душою чистой или грѣховной,
Ты вдругъ почувствуешь живѣй,
Что есть мѣръ лучшій, мѣръ духовный,

Ницца. 1864.

Когда на то пѣтъ Божьяго согласья,
Какъ ни страдай она любя,
Душа, увы, не выстрадаетъ счастья,
Но можетъ выстрадать себя!

Душа, душа, которая всецѣло
Одной завѣтной предалась любви
И ей одной дышала и болѣла,
Господь тебя благослови!

Онъ милосердый, всемогущій,
Онъ грѣющій Своимъ лучомъ
И пышный цвѣтъ на воздухъ цвѣтущій,
И чистый перлъ на днѣ морскомъ!...

12 Февраля 1865.

Стих. Тютчева.

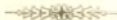
На кончину Государя Наслѣдника
Николая Александровича.

Все рѣшено, и онъ спокоенъ—
Онъ, претерпѣвшій до конца...
Знать, онъ предъ Богомъ былъ достоинъ
Другаго лучшаго вѣнца,
Другаго лучшаго наслѣдства,
Наслѣдства Бога своего,—
Онъ, наша радость съ малолѣтства,
Онъ былъ не нашъ, онъ былъ Его...

Но между нимъ и между нами
Есть связи естества сильнѣй:
Со всеми Русскими сердцами
Теперь онъ молится о ней,—

О ней, чью горечь испытанья
Пойметъ, измѣритъ только Та,
Кто, освятивъ Собой страданье,
Стояла, плача, у креста...

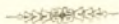
12 Апрѣля 1865.

На затѣи Москвичей.

Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россією разладъ!
Куда вамъ въ члены Англійскихъ палатъ?
Вы просто—члены Англійскаго клуба.

1865.

КЪ Н. С. А—ой.

I.

И самый домъ какъ будто ожилъ,
Ее жилищею избравъ;
И пасъ ужъ менѣе тревожилъ
Неугомонный телеграфъ.

Но братки все очарованья,
Имъ не дано у пасъ гостить,
И вотъ сондись мы—для прощанья;
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милыхъ впечатлѣній,
Тѣ ямки розовыхъ ланитъ,
Ту нѣгу стройную движеній
И станъ оправленный въ магнитъ,

Радужный смѣхъ и звучный голосъ,
Полудукавый свѣтъ очей,
И этотъ длинный тонкій волосъ,
Едва доступный пальцамъ фей...

2.

Какъ лѣтней иногда порою
Вдругъ птичка въ комнату влетитъ,
И жизнь и свѣтъ внесетъ съ собою,
Все огласитъ и озаритъ.

Весь міръ, цвѣтуній міръ природы
Въ намъ уголь вноситъ за собой,
Зеленый лѣсъ, живыя воды
И отблескъ неба голубой:

Такъ мимолетной и воздушной
Явилась гостьей къ намъ она,
Въ панъ міръ и чопорный и душный,
И пробудила всѣхъ отъ сна.

Ея присутствіемъ согрѣта
Жизнь встрепенулася живѣй,
И даже Питерское лѣто
Чуть не оттаяло при ней.

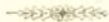
При ней и старость молодѣла,
И оныть сталъ ученикомъ,
Она вертѣла, какъ хотѣла
Дипломатическимъ клубкомъ.

3.

Какъ ни бѣсилося злорѣче,
Какъ ни трудилось надъ ней,
Но этихъ глазъ чистосердечье,—
Оно всѣхъ демоновъ сильнѣй.

Все въ ней такъ искренно и мило,
Такъ всѣ движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ея безоблачной души.

Къ ней и пыльника не пристала
Отъ глупыхъ слетней, злыхъ рѣчей:
И даже клевета не смела
Воздушный шелкъ ея кудрей.

Издателю газеты „Вѣсть“.

Вы не родились Полякомъ,
Но шляхтичь вы по направленью,
И Русскій вы, сознайтесь въ томъ,
По Третьему лишь Отдѣленю.

Слуга вліятельныхъ господъ,
Съ какой отвагой благородной
Громите рѣчью вы свободной
Всѣхъ тѣхъ, кому зажали ротъ!

Не даромъ вашимъ вы перомъ
Аристократин служили!
Въ какой лакейской изучили
Вы этотъ рыцарскій приемъ?

Графиня А. Д. Блудовой.

Какъ жизнь ни едѣлалась скуднѣе,
Какъ ни пришлось намъ уяснить
То, что намъ съ каждымъ днемъ яснѣе:
Что пережить—не значитъ жить...

Во имя милова былова,
Во имя вашего отца,
Дадимъ же мы другъ другу слово
Не измѣняться до конца.

1 Марта 1866.

На кончину графа М. Н. Муравьева.

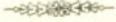
На гробовой его покровъ
Мы, вмѣсто всѣхъ вѣнковъ, кладемъ слова простыя:
Немного было-бъ у него враговъ,
Когда бы не твоя, Россія!

2 Сентября 1866.

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная статья—
Въ Россію можно только вѣрить.

28 Ноября 1866.

На юбилей Н. М. Карамзина.

Великій день Карамзина
Мы, поминая братаской тризной,
Что скажемъ здѣсь передъ отчизной,
На что-бъ откликнулась она?

Какой хвалою благоговѣйной,
Какимъ сочувствіемъ живымъ,
Мы этотъ славный день почтимъ—
Народный праздникъ и семейный?

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ?
Тебѣ, нашъ добрый, чистый гений,
Средь колебаній и сомнѣній
Многотревожныхъ этихъ лѣтъ?

При этой смѣси безобразной
Безсильной правды, дерзкой лжи—
Такъ ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной.

Души, какой твоя была,
Какъ здѣсь она еще боролась,
Но на призывный Божій голосъ
Неудержимо къ цѣли шла?

Мы скажемъ: будь намъ путеводной,
Будь вдохновительной звѣздой;
Свѣти въ нашъ сумракъ роковой,
Духъ цѣломудренно-свободный.

Умѣвший все совокушить
Въ ненарушимомъ подномъ строе.
Все человѣчески-благое,
И Русскимъ чувствомъ закрѣпить. —

Умѣвший, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрнопопданымъ Россіи...

1 Декабря 1866.

Ты долго-ль будешь за туманомъ
Скрываться, Русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?

Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсыплются лучи?

Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все немощемъѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ!
Проснись теперь, иль никогда...

20 Декабря 1866.

Хотя-бъ она сошла съ лица земнаго,—
Въ дупгъ царей для правды есть приютъ.
Кто не слыхаль торжественнаго слова?
Вѣка вѣкамъ его передають.

И что-жь теперь? Увы, что видимъ мы?
Кто приютитъ, кто приметъ гостя Божью?
Ложь, злая ложь растлила вѣсь умы,
И цѣлый міръ сталъ воплощенной ложью!...

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью!
Опять рѣзня... повсюду вой и плачь,
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью!

О, этотъ вѣкъ, воспитанный въ крамолахъ,
Вѣкъ безъ души, съ озлобленнымъ умомъ,—
На площадяхъ, въ палатахъ, на престолахъ
Вездѣ онъ правды личнымъ сталъ врагомъ!

Но есть еще одинъ приютъ державный,
Для правды есть одинъ святой алтарь:
Въ твоей душѣ онъ, Царь нашъ православный,
Нашъ благодушный, честный, Русскій Царь!

31 Декабря 1866.

Графиня А. Д. Блудовой

(при полученіи отъ нея книги съ замѣтками ея отца)

Какъ этого помертнаго альбома
Мнѣ дороги завѣтные листы;
Какъ все на нихъ такъ родственно-знакомо,
Какъ полно все душевной теплоты!

Какъ этихъ строкъ сочувственная сила
Всего меня обвѣяла былымъ:
Храмъ опустѣлъ, потухъ огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дымъ.

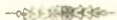
1 Марта 1867.

Напрасный трудъ! Нѣтъ, ихъ не вразумишь:
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлаѣ.
Цивилизація для нихъ фетишь,
Но недоступна имъ ея идея.

Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуги просвѣщенья, а его холопы.

Май 1867.

С л а в я н а м ъ

(пріѣхавшимъ въ Москву).

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ,
Привѣтъ нашъ всемъ вамъ безъ избытья!
Для всѣхъ семейный пиръ готовъ!

Не даромъ васъ звала Россія
На праздникъ мира и любви.
Но знайте, гости дорогие,
Вы здѣсь—не гости, вы—свои.

Вы дома здѣсь, и больше дома,
Чѣмъ тамъ, на родинѣ своей,—
Здѣсь, гдѣ господство незнакомо
Иноязыческихъ властей;

Здѣсь, гдѣ у власти и подданства
Одинъ языкъ, одинъ для всѣхъ,
И не считается славянство
За тяжкій первородный грѣхъ.

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народъ единый,
Единой матери сыны;

Но все же братья мы родные...
Вотъ, вотъ что ненавидятъ въ насъ:
Вамъ—не прощается Россія,
Россіи—не прощаютъ васъ!

Смущаетъ ихъ и до испугу,
Что вся Славянская семья
Въ лицо и недругу и другу
Впервыя скажетъ—это я!

При неотступномъ воспоминаши
О длинной цѣпи злыхъ обидъ,
Славянское самосознанье,
Какъ Божья кара, ихъ страшить!

Давно на почвѣ Европейской,
Гдѣ ложь такъ пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:

Для нихъ—законъ и равноправность,
Для насъ—насилъе и обманъ...
И закрѣпила стародавность
Ихъ, какъ наслѣдіе Славянъ.

И то, что дѣлалось вѣками,
Не оскудѣло и по днесь,
И тѣготѣть и надъ нами—
Надъ нами, собранными здѣсь...

Еще болить отъ старыхъ болей
Вся современная пора:
Не тронута Косово поле,
Не скрыта Вѣлая Гора!

А между тѣмъ—позоръ немалый
Въ Славянской, всегдѣ родной средѣ,—
Лишь тотъ ушелъ отъ ихъ ослалы
И не подвергся ихъ враждѣ,

Кто для своихъ всегда и всюду
Злодѣемъ былъ передовымъ:
Они лишь нашего Гуду
Честять лобзаніемъ своимъ.

Опально-міровое племя!

Когда же будешь ты народъ?

Когда же упряднится время

Твоей и розни, и невзгодъ,

И грянетъ крикъ къ объединеню,

И рухнетъ то, что дѣлать насъ?..

Мы ждемъ и вѣримъ Провидѣнью:

Ему извѣстны день и часъ...

И эта вѣра въ правду Бога

Узъ въ нашей не умретъ груди,

Хоть много жертвъ и горя много

Еще мы видимъ впереди...

Огъ живъ—Верховный Промыслитель.

И судъ Его не оскудѣлъ...

И слово „Царь-Освободитель“

За Русскій выступитъ предѣлъ!...

1867.

„Man muss die Slaven an die Wand drücken“.

„Славянъ должно прижать къ стѣнѣ“.

(Слова Австрійскаго министра фонъ-Бейста).

Они кричатъ, они грозятся:

„Вотъ къ стѣнкѣ мы Славянъ прижмемъ!“

Ну, какъ бы имъ не оборваться

Въ задорномъ патисекѣ своемъ!

Да, стѣнка есть—стѣна большая.

И васъ не трудно къ ней прижать:

Да польза-то для васъ какая?

Вотъ, вотъ что трудно угадать.

Ужасно та стѣна упруга,

Хоть и гранитная скала,

Шестую часть земного круга

Она давно ужъ обошла...

Ее не разъ и штурмовали.

Кой-гдѣ срывали камня три.

Но нанослѣдкомъ отступали,

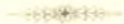
Съ разбитымъ лбомъ богатыри...

Стоитъ она, какъ и стояла,
Твердыней смотритъ боевой;
Она не то, чтобъ угрожала,
Но .. каждый камень въ ней живой.

Такъ пусть же бѣшенымъ напоромъ
Тѣснятъ васъ Нѣмцы и прижмутъ
Къ ся бойницамъ и затворамъ, —
Посмотримъ, что они возмутъ?

Какъ ни бѣснись вражда слѣпая,
Какъ ни грози вамъ буйство ихъ,
Не выдастъ васъ стѣна родная,
Не оттолкнетъ она своихъ.

Она разступится предъ вами
И, какъ живой для васъ оплотъ,
Межъ вами станетъ и врагами
И въ нимъ поближе подойдетъ.

Свершается заслуженная кара
За тяжкій грѣхъ, тысячелѣтній грѣхъ...
Ни отвратить, ни избѣжать удара,
И правда Божья видима для всѣхъ.

То Божьей правды праведная кара,
И ей въ отпоръ чью помощь ни зови,—
Свершится судъ... и папская тіара
Въ послѣдній разъ кунается въ крови!

А ты, ея носитель неповинный,
Спаси тебя Господь и отрезви!
Молись Ему, чтобы твои сѣдины
Не осквернились въ пролитой крови.

28 Октября 1867.

По прочтеніи депешъ Императорскаго
Кабинета, напечатанныхъ въ „Journal
de S-t Pétersbourg“.

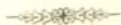
Когда свершится искупленье,
И озарится вновь Востокъ,
О, какъ поймутъ тогда значенье
Великолѣнныхъ этихъ строкъ!

Какъ первый яркій лучъ денницы,
Коснувшись ихъ, воспламенить
И эти вѣщія страницы
Озолотить и освѣтить!

И въ изліяньи чувствъ народныхъ,
Какъ Божья чистая роса,
Племень признательно-свободныхъ,
На нихъ затенится слеза!

На нихъ записана вся повѣсть
О томъ, что было и что есть:—
Изобличивъ Европы совѣсть,
Онѣ спасли Россіи честь.

Декабрь 1867.

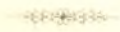

**Михаилу Николаевичу Галкину-
Враскому.**

(На основаніе первой Русской газеты въ Ревель).

Какъ насажденія Петрова.
Въ Екатерининской долинь,
Деревья пышно разрослись;
Такъ насаждаемое нынѣ
Здѣсь Русское живое слово
Рости и глубже коренись!...

Іюнь 1869. Ревель.

Императрица Евгенія на торжествѣ открытія Суэцкаго канала.

Флаги ввѣютъ на Босфорѣ,
Пушки празднично гремятъ,
Небо ясно, блещетъ море,
И ликуетъ Цареградъ,

И не даромъ онъ ликуетъ:
На волшебныхъ берегахъ
Нынѣ весело шируетъ
Благодушный надшахъ.

Угощаетъ онъ на славу
Милыхъ западныхъ друзей:
И свою бы всю державу
Заложилъ для нихъ, ей, ей...

Изъ премудраго далѣка
Франкистанской ихъ земли
Погулять на счетъ Пророка
Всѣ они сюда пришли.

Пушекъ громъ и музыка!
Здѣсь Европы всей приваль,
Здѣсь все силы міровыя
Свой справляютъ карнавалъ.

И при крикахъ преступленныхъ,
Бойкій западный разгулъ
И въ гаремахъ потаенныхъ
Двери настежь распахнулъ.

Какъ въ роскошной этой рамѣ
Дивныхъ горъ и двухъ морей
Веселится объ Исламѣ
Христіанскій съѣздъ князей!

И конда нѣтъ ихъ привѣтамъ.
Обнимаетъ брата братъ...
О, какимъ отраднымъ свѣтомъ
Звѣзды Запада горятъ!

И всехъ ярче и милѣе
Свѣтитъ тутъ звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, ея жена.

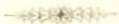
Съ пресловутаго театра
Всѣхъ пзыществъ и затѣй,
Какъ вторая Клеопатра,
Въ сонмѣ царственныхъ гостей,

На Востокъ она явилась,
Всѣмъ на радость, не на зло,
И предъ нею все склонилось:
Солнце съ Запада возшло!

Только тамъ, гдѣ тѣни бродятъ
По долинамъ и горамъ
И куда ужъ не доходятъ
Эти клики, этотъ гамъ,

Только тамъ, гдѣ тѣни бродятъ,
Тамъ въ ночи, изъ свѣжихъ ранъ
Кровью медленно неходятъ
Милліоны христіанъ...

Октябрь 1869.

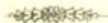
А. А. Ф е т у.

Тебѣ сердечный мой поклонъ
И мой, какой ни есть, портретъ,
И пусть, сочувственный поэтъ,
Тебѣ, хоть молча, скажетъ онъ:
Какъ дорогъ былъ мнѣ твой привѣтъ,
Какъ имъ въ душѣ я умиленъ.

Инымъ достался отъ природы
Истинный пророчески-слѣпой;
Они имъ чуютъ, слышатъ воды
И въ темной глубинѣ земной...

Великой матерью любимый,
Стократъ завиднѣй твой удѣлъ,—
Не разъ подъ оболочкой зримой
Ты самое ее узрѣлъ...

1861.

Я. П. П о л о н с к о м у .

(Въ отвѣтъ на его посланіе).

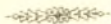
Нѣтъ болѣ искрѣ живыхъ на голосъ твой при-
вѣтный.

Во мнѣ глухая ночь, и нѣтъ для ней утра!]

И скоро улетитъ, во мракъ незамѣтный,

Послѣдній смутный дымъ съ потухшаго костра.

30 Мая 1865.

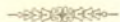

Телеграмма въ Петергофъ князю П. А.
Вяземскому.

Безпомощный и убогій,
И съ усльемъ и съ тревогой,
Къ вамъ пишу, съ одра привставъ,
И привѣтъ мой хромоногій
Окрылить пусть телеграфъ.

Пусть умчитъ его, играя,
Въ дивный, свѣтлый уголь тотъ,
Гдѣ весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая,
Въ кустахъ зелени поетъ...

29 Юня 1865.

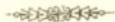

Два единства.

Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши
Кровь льется черезъ край, и Западъ тонетъ въ ней.
Кровь хлынетъ и на васъ, друзья и братья наши.
Славянскій міръ сомкнись тѣснѣй...

„Единство“ — возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней,
Быть можетъ снаено жельзомъ лишь и кровью:
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что прочнѣй.

1866.

Надъ Русской Вильной стародавней
Родные теплются гресты,
И звономъ мѣди православной
Всѣ огласились вышныи,

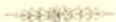
Мишули вѣки искушенья,
Забыты страшныя дѣла,
И даже мерзость заустѣнья
Здѣсь райскимъ бриномъ разцвѣла.

Преданье ожило святое
Первоначальныхъ лучшихъ дней,
И только позднее былое
Здѣсь въ царство отонкло тѣней.

Оттуда смутнымъ сновидѣньемъ
Еще дано ему порой
Передъ всеобщимъ пробужденьемъ
Живыхъ тревожить здѣсь покой.

Въ тотъ часъ, какъ съ неба мѣсяць сходитъ
Въ холодной зимней полумгѣ,
Еще какой-то призракъ бродитъ
По оживающей землѣ.

1870.

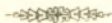
Э к с п р о м п т ъ.

(Въ альбомѣ г. Ваккару, служившему въ Комитетѣ Иностранной Цензуры).

Велѣнью высшему покорны,
У мысли стоя на часахъ,
Не очень были мы задорны,
Хоть и со штуцеромъ въ рукахъ.

Мы имъ владѣли неохотно,
Грозили рѣдко, и скорѣй
Не арестантскій, а почетный
Держали караулъ при ней.

Окт. 1870.

На юбилей князя П. А. Вяземскаго.

У Музы есть различныя пристрастья,
Дары ея даются не равно;
Стократъ она божественнѣе счастья,
Но своенравно, какъ оно.

Иныхъ она лишь на зарѣ лелѣеть,
Цѣлуетъ шелкъ ихъ кудрей молодыхъ,
Но вѣтерокъ чуть жарче лишь повѣтъ,
И съ первымъ сномъ она бѣжитъ отъ нихъ.

Тѣмъ у ручья, на луговинѣ тайной,
Нежданная является порой,
Порадуется улыбкою случайной,
Но послѣ первой встрѣчи — нѣтъ второй!

Не то отъ ней присуждено вамъ было:
Васъ юношей настигнувъ въ добрый часъ,
Она въ душѣ васъ крѣпко полюбила
И долго всматривалась въ васъ.

Досужая, она не мимоходомъ
Пеклась о васъ, ласкала, берегла,
Растила вашъ талантъ, и съ каждымъ годомъ
Любовь ея нѣжиѣ все была.

И какъ съ годами крѣпнеть пламени,
Сокъ благодатный виноградныхъ лозъ, —
И въ кубокъ вашъ все жарче и свѣтлѣе
Такъ вдохновеніе лилось.

И никогда такимъ виномъ, какъ нынѣ,
Вашъ славный кубокъ вѣнчанъ не бывалъ.
Давайте-жъ, князь, подыместъ въ честь богини
Вашъ полный, пѣнистый фіалъ, —

Богинѣ въ честь, хранящей благородно
Залогъ всего, что свято для души,
Родную рѣчь... рости она свободно —
И подвигъ свой великій доверши!

Потомъ мы всё, въ молитвенномъ молчаньѣ,
Священные поимки совершимъ,
Мы совершимъ тройное возліянье
Тремъ незабвенно-дорогимъ.

Нѣтъ отклика на голосъ ихъ зовущій,
Но въ свѣтлый праздникъ вашихъ именинъ,
Кому-жъ они не близки, не присѣдцы,
Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ!..

Такъ вѣримъ мы, незрими гостями
Теперь они, покинувъ горній мѣръ,
Сочувственно витають между нами
И освящаютъ этотъ пиръ.

За вами, князь, во имя Музы вашей,
Подносимъ вамъ задравное вино,
И долго, долго въ этой свѣтлой чашѣ
Пускай кипитъ и искрится оно!..

На камень жизни роковой
Природою заброшенъ,
Младенецъ пылкій и живой
Играль неостороженъ;
Но Муза сираго взяла
Подъ свой покровъ надежный,
Поэзи разостлала
Коверъ подъ нимъ роскошный.
Какъ скоро Музы подъ крыломъ,
Его созрѣли годы,
Поэтъ, избыткомъ чувствъ влекомъ,
Предеталъ во храмъ свободы;
Но мрачныхъ жертвъ не приносилъ.
Служа ея кумиру,—
Онъ горсть цвѣтовъ ей посвятилъ
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Онъ чтилъ въ младыя лѣта:
Амуръ рѣзвился вокругъ него
И дани бралъ съ поэта.

Ему стрѣлу на память даль,—

И въ сладкіе досуги

Онъ ея повѣсть начерталъ

Орфеевой супруги.

И въ міръ сѣмь, какъ въ царствѣ сновъ,

Поэтъ живетъ мечтая.

Онъ такъ достигъ земныхъ вѣнковъ

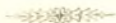
И такъ достигнетъ рая...

Умъ скоръ и сметливъ, вѣренъ глазъ,

Воображенье—быстро...

А спорилъ въ жизни только разъ—

На диспутъ маистра.

Арфа скальда.

О, арфа скальда! Долго ты спала
Въ тѣни, въ тиши забытаго угла:
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свѣтъ блеснулъ въ твоемъ углу,
Вдругъ чудный звонъ затренилъ въ струнѣ,
Какъ бредъ души, встревоженной во снѣ.
Какой онъ жизнью на тебя дохнулъ?
Иль старину тебѣ онъ вспомянулъ,—
Какъ по ночамъ здѣсь сладострастныхъ дѣвъ,
Давно минувшій вторился нагбвѣ?
Иль въ сихъ цвѣтущихъ и по днесь садахъ
Ихъ легкихъ ногъ скользитъ незримый шагъ?

(1838).

Cache-cache.

Вотъ арфа ея въ обычномъ углу,
Гвоздики, и розы стоятъ у огня,
Полуденный лучъ задремаль на полу:
Условное время! Но гдѣ же она?

О кто мнѣ поможетъ шалунью сыскать,
Гдѣ, гдѣ пріютилась Сильфида моя?...
Волшебную близость, какъ бы благодать
Разлитую въ воздухъ, чувствую я.

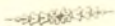
Гвоздики не даромъ лукаво глядятъ,
Не даромъ, о розы, на вашихъ листахъ
Жарчѣе румянецъ, свѣжѣй ароматъ:
Я понялъ, кто скрылся, зарылся въ цвѣтахъ!

Не арфы-ль твоей мнѣ послышался звонъ?
Въ струнахъ ли мечтаешь укрыться златыхъ?
Металлъ содрогнулся, тобой оживленъ,
И сладостный трепегъ еще не затихъ.

Какъ пляшутъ пылинки въ полдневныхъ лучахъ!
Какъ искры живыя въ родимомъ огнѣ:
Видалъ я сей пламень въ знакомыхъ очахъ,
Его упоенье извѣстно и мнѣ.

Влетѣлъ мотылекъ и съ цвѣтка на другой,
Притворно-безпечный, онъ началъ порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать!

(1829).

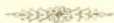

Еще земли печаленъ видъ,
А воздухъ ужъ весною дышетъ, —
И мертвый въ полѣ стебель колыхетъ
И елей вѣтви шевелитъ.

Еще природа не проснулася,
Но сквозь рѣдющаго сна
Весну прослышала она
И ей невольно улыбнулася.

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдругъ тебя волнуетъ,
Твой сонъ ласкаетъ и цѣлуетъ,
И золотитъ твои мечты?

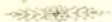
Блестять и таять глыбы снѣга.
Блеститъ лазурь, играетъ кровь...
Или весенняя то нѣга?
Или то женская любовь?

Съ горы скатившись, камень легъ въ долину.
Какъ онъ упалъ, никто не знаетъ нынѣ.
Сорвался ль онъ съ вершины самъ собой,
Или низвергнуть мыслящей рукой?
Столѣтье за столѣтьемъ пронеслося:
Никто еще не разрѣшилъ вопроса.

Когда пробьетъ послѣдній часъ природы,
Разрушится составъ частей земныхъ:
Все зримое опять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ нихъ.

17 Янв. 1833.

О Л а м а р т и н ъ.

Какъ онъ любилъ родныя ели
Своей Савойи дорогой!

Какъ мелодически шумѣли
Ихъ вѣтви надъ его главою!

Ихъ мракъ торжественно - угрюмый
И дикій, заунывный шумъ
Какою сладостною думой
Его обворожали умъ!

(1848).

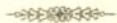

Пламя рдѣть, пламя пышетъ,
Искры брызжутъ и летятъ,
А на нихъ прохладой дышетъ
Изъ-за рѣчки темный садъ.

Сумракъ тутъ, тамъ жаръ и крики,—
Я брожу, какъ бы во снѣ,
Лишь одно я живо чую—
Ты со мной и вся во мнѣ.

Трескъ за трескомъ, дымъ за дымомъ,
Трубы голыя торчатъ,
А въ покоѣ нерушимомъ
Листья вѣютъ и шуршатъ,

Я, дыханьемъ ихъ обвѣянъ,
Страстный говоръ твой ловлю;
Слава Богу, я съ тобою,
А съ тобой мнѣ—какъ въ раю.

Такъ, въ жизни есть мгновенія.

Ихъ трудно передать,

Они самозабвенія

Земнаго благодать.

Шумять верхи древесные

Высоко надо мной,

И птицы лишь небесныя

Бесѣдуютъ со мной.

Все пошлое и ложное

Ушло такъ далеко,

Все мило-невозможное

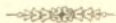
Такъ близко и легко...

И любо мнѣ, и сладко мнѣ,

И миръ въ моей груди,

Дремотою обвѣянъ я.

О, время погоди!

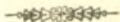
Когда дряхлѣющія силы
Намъ начинаютъ измѣнять,
И мы должны, какъ сторожилы,
Пришельцамъ повымъ мѣсто дать,

Спаси тогда насъ добрый геній
Отъ малодушныхъ укоризнъ,
Отъ клеветы, отъ озлобленій,
На измѣняющую жизнь;

Отъ чувства затаенной злости
На новый современный мѣръ
Гдѣ новые садятся гости
За уготованный имъ ширъ;

Отъ всего, что тѣмъ задорнѣй,
Чѣмъ глубже крылось съ давнихъ поръ,—
И старческой любви позорнѣй
Сварливый старческій задоръ.

Отъ желчи горькаго сознанья,
Что насъ потокъ ужь не несетъ,
И что другія есть призванья,
Другіе вызваны впередъ.

По дорогѣ во Вщижъ *).

Отъ жизни той, что буневала здѣсь,
Отъ крови той, что здѣсь рѣкой лилась,
Что уцѣлѣло, что дошло до насъ?
Два-три кургана видимъ мы по днесъ...
Да два-три дуба выросли на нихъ.
Раскинувшись и широко п смѣло,
Красуются, шумятъ, и нѣтъ имъ дѣла,
Чей прахъ, чью память кроютъ корни ихъ.
Природа знать не знаетъ о быломъ,
Ей чужды наши призрачные годы,
И передъ ней мы смутно сознаемъ
Себя самихъ—лишь грѣзою природы.
Поочередно всѣхъ своихъ дѣтей,
Свершающихъ свой подвигъ бесполезный,
Она равно привѣтствуетъ своей
Всеноглощающей и миротворной бездной.

17 Августа 1871.

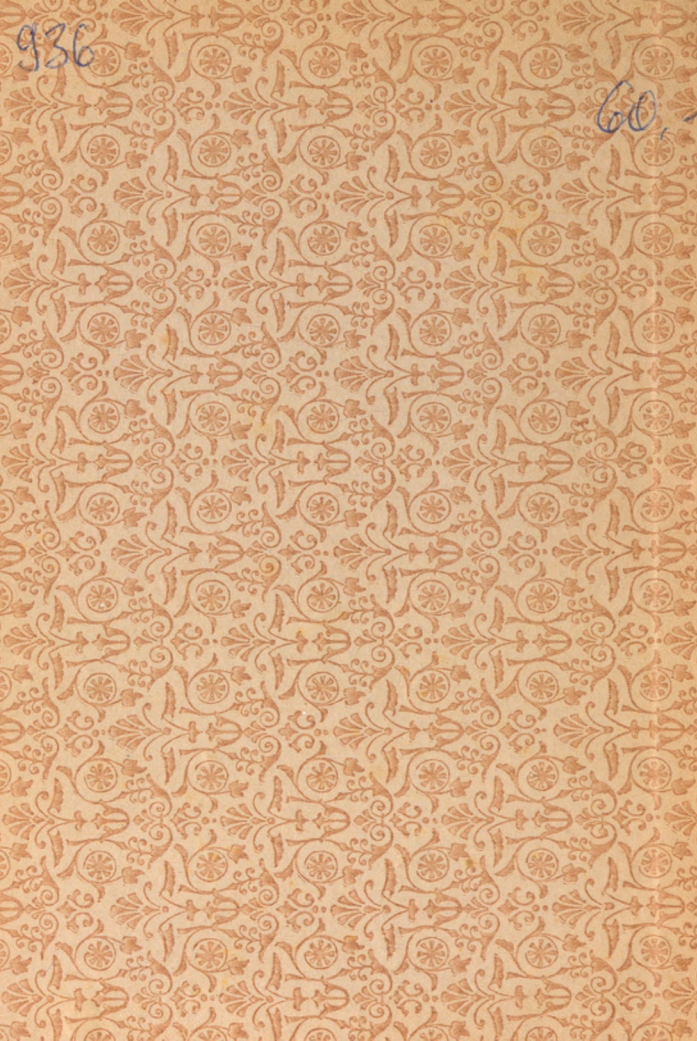
*) Старинное село Брявскаго у., Орловской губ., въ-
когда городъ. П. Б.

936

60,

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

090904

Biblioteka WSP Kielce

0167458